

**К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ (1910—1975)**

**ПИСЬМА О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ
К ОТЦУ Ф. Х. БЕРГГОЛЬЦУ (1942—1948)**

(Публикация Н. А. Прозоровой)

Из обширного эпистолярного наследия Ольги Федоровны Берггольц (1910—1975) опубликовано немного.¹ Наибольший и обоснованный интерес представляют ее письма, написанные из блокадного Ленинграда. Часть блокадных писем к матери — Марии Тимофеевне Берггольц, сестре — Марии Федоровне и племяннику — Мише Лебединскому была подготовлена и выборочно опубликована М. Ф. Берггольц (1912—2003) в «Литературном обозрении» и в книге «Встреча», выпущенной к 90-летию со дня рождения поэтессы.² Письма Ольги Федоровны военного времени к Г. П. Макогоненко появились сначала в журнале, а затем в сокращенном варианте в сборнике «Вспоминая Ольгу Берггольц».³

¹ Архив О. Ф. Берггольц находится в двух российских архивохранилищах. Одна часть архива хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве в личном фонде 2888; 1408 ед. хр. Фонд был закрыт для исследователей по настоянию наследников. Первая публикация материалов из этого архива была предпринята в 2006 г. Т. М. Горяевой (см.: *Горяева Т. М.* Неизвестная Ольга Берггольц // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 2. С. 478—490). Отдельные поступления архивных материалов Берггольц первый раз были приняты в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1979 г. от Я. Л. Шрайбера, а затем в 1987 г. от М. Ф. Берггольц. В 2004 г. в РО ИРЛИ от племянника О. Берггольц — Федора Владимировича Янчина (1950—2009) поступил архив поэтессы, который образовал фонд 870, находящийся в настоящее время в предварительной научно-технической обработке.

² *Берггольц О.* 1) Победоносное терпенье: письма к родным времен блокады Ленинграда / Вступ. статья и публ. М. Ф. Берггольц // Литературное обозрение. 1979. № 5. С. 100—112; 2) Встреча. Дневные звезды. Часть 1. Часть II. Главы. Фрагменты. Письма, дневники, заметки, планы / Сост. М. Ф. Берггольц. М., 2000 (переизд.: СПб., 2003).

³ *Макогоненко Г. П.* 1) Письма Ольги Берггольц: 1941—1942 гг. // Вопросы литературы. 1978. № 5. С. 196—224; 2) Письма с дороги // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 121—153; 3) Письма с дороги (Ольга Берггольц в дни блокады) // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. М., 1980. Вып. 3. С. 460—490.

В том же сборнике были опубликованы письма поэтессы 1943—1964 гг. к Б. Л. Пастернаку, А. Я. Таирову, Н. Д. Оттену, А. Т. Твардовскому и др. Письма Ольги Федоровны к А. В. Софронову включены в текст его воспоминаний «„Последний души перегон...“ (Воспоминание об Ольге Берггольц)», а в книге «От сердца к сердцу» Д. Хренкова опубликовано письмо Берггольц к Анне Ахматовой.⁴ Тем не менее большая часть переписки Берггольц, представляющая несомненный интерес, в том числе военного периода, остается неизданной. «Значительное место в литературном наследии Ольги Берггольц занимают письма ее близким людям, письма-размышления, письма-дневники, — писал в 1978 г. Макогоненко. — Эти письма всегда глубоко интимные — и когда речь в них о стихах, и когда о личных делах или общественных событиях. Вот почему не пришло еще время оглашать эти письма полностью. Но есть в этих письмах много бесценных наблюдений и мыслей о жизни, о литературе, о своей поэтической работе, которые могут и должны стать достоянием читателей Ольги Берггольц. В них, как и в стихах, раскрывается щедрая и нежная душа Ольги, ее мужество в исключительных событиях и боль ранимого, отзывчивого сердца, ее активное отношение к людям, никогда не иссякавшее желание помогать им — близким и дальним...»⁵

В личном архиве О. Ф. Берггольц (ф. 870) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в ходе предварительной научно-технической обработки выявлено 6 писем Ольги Федоровны к отцу Федору Христофоровичу Берггольцу. Пять писем, отправленные из Ленинграда в 1942—1944 гг., публикуются впервые (детское письмо 1924 г. не публикуется). В публикацию также включено письмо Ольги Берггольц к отцу, написанное ею в 1948 г., которое хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в личном архиве Берггольц (ф. 2888).⁶ За разрешение поместить его в настоящем издании выражаем благодарность Г. А. Лебединской и Т. М. Горяевой.

Письма Ольги Берггольц военных лет наполнены реалиями блокадного города и носят характер историко-бытового и социального документа, достоверность которого вполне очевидна, а значение трудно переоценить. Дочь пишет отцу об условиях жизни города-фронта, нормах на хлеб, пайках и бомбежках, сравнивает «зимний кошмар» первого блокадного года с осадным положением последующих лет. «Коммунальные», жизненно важные вопросы продовольствия, отопления, освещения и транспорта в той или иной степени подробности

⁴ См.: *Софронов А. В.* «Последний души перегон...» (Воспоминание об Ольге Берггольц) // *Бежин луг.* 1996. № 3. С. 126—131; *Хренков Д.* От сердца к сердцу. Л., 1982. С. 225—226. Письмо Берггольц к Хренкову опубликовано в тексте его воспоминаний о Б. П. Корнилове: *Хренков Д.* Диспут в КИЖе // *Поэт, рожденный Октябрем: Воспоминания, статьи, стихотворения о Борисе Корнилове.* Горький, 1987. С. 145—146. См. также письмо Берггольц к А. К. Тарасенкову: *Белкина М.* История одной библиотеки // *Новый мир.* 1966. № 11. С. 197—198.

⁵ См.: *Макогоненко Г. П.* Письма с дороги. С. 122—123.

⁶ РГАЛИ, ф. 2888, оп. 1, № 487, л. 2. Известно, что в РГАЛИ хранится еще одно письмо Ольги Федоровны, предположительно адресованное отцу: имя адресата в письме не указано, документ датируется по содержанию декабрем 1941 г. и требует дополнительной атрибуции. См.: Там же, л. 1.

встают в этих письмах и описываются Ольгой Федоровной в соответствии с блокадной шкалой ценностей. «...у нас здесь быт стал бытием, — не раз отмечала Берггольц, — и бытие — бытом».⁷

На фоне жизни блокадного города возникает еще одна драматическая сюжетная линия. Она касается биографии отца Ольги Берггольц и связана с принудительным выселением Федора Христофоровича в марте 1942 г. из Ленинграда в Красноярский край. Частная история Ф.Х. Берггольца напрямую переплелась с драмой той части населения Ленинграда (в основном немцев и финнов по национальности), которая была причислена к «социально опасным элементам» и обречена на административную высылку. Первое из публикуемых писем относится к самому началу депортации, а в последнем письме Ольга Федоровна сообщает отцу, что ей удалось добиться его реабилитации и восстановления «временного поправной фамильной чести и доброго имени». По причинам военной цензуры Ольга Берггольц пишет отцу осторожно, едва касаясь опасной темы, избегая деталей и не упоминая фамилий лиц, к помощи которых она прибегала при попытках ускорить рассмотрение «дела». Ей приходится также уделять в письмах много внимания чисто житейским делам, касающимся утраченного имущества и денег Федора Христофоровича, который был вынужден в короткий срок покинуть город. Не все доходило до адресата или доходило с опозданием, поэтому три письма подряд начинаются Ольгой Берггольц с подробного описания весьма прозаических в условиях войны и блокады имущественных вопросов, которые в сознании больного, оскорбленного несправедливостью отца вырастали в навязчивую идею. Однако в этих подробных, по пунктам, ответах отцу проявляется представление Ольги Федоровны об обязанностях дочери, вынужденной погружаться во все обстоятельства имущественных потерь Федора Христофоровича. Понимая, сколько тягот пришлось перенести отцу, как сильно его «ударило», Ольга Федоровна из осажденного Ленинграда пытается вселить в него бодрость и пишет ему «ласково и сдержанно, хотя твердо»: «Папа, мне неприятно сообщать тебе обо всем этом, но уж лучше знать правду, что у тебя нет бывшего угла, нет обстановки, и всего лишь кое-что из белья и одежды. Но ведь это — война, папа! И погоди, погоди, не впадай в отчаянье или уныние! Давай смотреть вперед, а не назад, давай не будем оплакивать пропавшего буфета, право, он не стоит того. Повторяю — главное для тебя сохранить бодрость и здоровье для будущего, а оно не так уж мрачно. Несмотря на все страдания, которые выносит наша страна, — мы все же побьем проклятых немцев. Ты знаешь это. Это главное» (наст. публ., письмо 1).

Характерно, что в письмах Ольги Федоровны к отцу сквозь призму вполне бытовых, частных, «негероических» тем просвечивают подлинные идеалы и ценностные ориентиры поколения военного времени. Общественное настроение военной эпохи как часть исторической памяти зафиксировано в письме Берггольц так: «Все мы, в основном, здоровы, держим друг с другом связь, каждый по своим силам может

⁷ См. письмо к А.Я. Таирову от 5 апр. 1943 г. в сб.: Вспоминая Ольгу Берггольц. С. 548.

работать и не висеть на шее ни друг у друга, ни у страны, чего еще надо?» (наст. публ., письмо 2).

Блокадные письма к отцу естественным образом касаются личной и профессиональной стороны жизни поэтессы и имеют литературно-биографическое значение, помогая понять источник исключительной, почти феноменальной популярности Берггольц в Ленинграде, на Ленинградском фронте и в стране в целом. Она сообщает отцу: «К вашей дочери, папа, пришла настоящая слава, не через статьи (их до сих пор нет), не через чины, а снизу, от самого народа, и слава почетная: „ведь вы *правду* пишете“, — говорят мне всюду. Это народное признание бесконечно дорого мне, и я желаю только одного — оправдать его в дальнейшем» (наст. публ., письмо 1). Полностью осознавая ответственность за известность и признание читателей, Берггольц вступает в борьбу с цензорами, редакторами, инструкторами и «держится позиции самой решительной». Сил на работу уходит много, но, несмотря на блокаду и вопреки войне, в Ольге Берггольц зреет надежда на новое личное счастье, желание «вить гнездо» и родить ребенка, — все это благодаря редкостному жизнелюбию, вере в победу, а главное, благодаря тому, что она научилась, как и многие ленинградцы, «жить в с е й ж и з н ю здесь, в Ленинграде...».⁸ Из блокадного города она находит возможность помогать деньгами и посылками матери, сестре, отцу и родственникам своего погибшего мужа Н. С. Молчанова и даже шутить: «Не рыдай о своих ватных штанах, — пишет она Федору Христофоровичу, — отвоюем, я сошью тебе бархатные с золотым галуном!» (наст. публ., письмо 2).

Биография отца Ольги Федоровны и история его административной высылки восстановлена нами по отрывочным сведениям, рассеянным в архивных документах, по записям племянника поэтессы Михаила Юрьевича Лебединского, хранящимся в ее личном фонде,⁹ а также по опубликованным эпистолярным материалам и дневникам.

Федор Христофорович Берггольц (1885—1948) родился в семье строительного техника, специалиста по отоплению и вентиляции, латыша, уроженца Риги Берггольца Христофора Фридриховича (1854—1925) и Ольги Михайловны (1850—1924), по первому мужу — Королевой.

В 1904 г. Федор Христофорович окончил реальное училище Я. Г. Гуревича, а в 1907 г. поступил на медицинский факультет Императорского Юрьевского университета. В сентябре 1909 г., будучи студентом 2-го курса, по семейным обстоятельствам перевелся в Петербург в Императорскую Военно-медицинскую академию, где учился военно-полевой хирургии у профессора Н. Н. Бурденко. В ноябре 1909 г. он женился на Марии Тимофеевне Грустилиной. В Юрьев Федор Христофорович вернулся осенью 1911 г. и окончил университет в 1914 г. Осенью того же года он был направлен в составе 39-го запасного полевого госпиталя на фронт, где в 1916 г. перенес тяжелую контузию с вывихом правой руки. В дальнейшем Федор Христофорович работал военврачом I ранга санитарного поезда, получившего после октября 1917 г. название «Красные орлы». Семья Федора Христофоровича, жена с дочерьми Ольгой и Марией,

⁸ См. письмо к Н. Д. Оттену от 17 марта 1943 г. Там же. С. 544.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 870. Лебединский М. Ю. (Записки к родословной).

весной 1918 г. по обстоятельствам голодного времени уехала из Петрограда и находилась в Угличе. Вылечившись после перенесенных в 1919—1920 гг. болезней (сыпной и возвратный тиф с осложнениями), Федор Христофорович приезжал в Углич к родным. В памяти маленькой Ольги остались яркие воспоминания о приезде отца, описанные позже в автобиографической повести «Дневные звезды». В 1921 г. в связи с хроническим вывихом правой руки и болезнью сердца Федор Христофорович был комиссован, снят с воинского учета, и семья вернулась в Петроград. М. Ю. Лебединский писал о деде: «Последним участием Ф. Х. Берггольца в гражданской войне, по словам О. Ф. Бергголь¹⁰ц, была его работа в составе медицинского отряда на льду Финского залива во время штурма мятежного Кронштадта. По семейному преданию, за личную храбрость он был награжден главнокомандующим Тухачевским именными часами фирмы Бурэ. Крышка с дарственной подписью Тухачевского потерялась, а часы долго жили в нашей семье».¹⁰

В 1921—1922 гг. Федор Христофорович — врач хирургического отделения, а с 1941 г. — главный врач амбулатории и медпункта комбината тонких и технических сукон им. Э. Тельмана.¹¹ Именно сюда, в фабричную стенгазету, отец взял у дочери ее первое стихотворение, написанное на смерть В. И. Ленина, где оно и было напечатано. В «Дневных звездах» Ольга Берггольц писала об этом: «...когда я написала свое самое первое стихотворение о революции, о Ленине, я прочитала его папе — без мамы, без Муськи, без Авдотьи, ему одному».¹² Через два дня отец пришел с работы «какой-то напыженный, и в то же время явно ликующий, — он совершенно не умел прятать радость», и сообщил, что стихотворение напечатано. Похоже, именно от отца Ольга Федоровна унаследовала эмоционально отзывчивый тип личности. Размышляя о доброй и беспощадной силе поэзии, пленяясь «сумрачной тайной» стихов, она писала: «Но я — в отца, я не в силах одна выносить бремя радости, мне необходимо поделиться ею с другими, похвалиться ею».¹³

Нельзя сказать, что отношения Ольги с отцом всегда были ровными или идиллическими, поскольку семейная жизнь Федора Христофоровича, отличавшегося влюбчивым характером и непостоянством личных пристрастий, не сложилась: с начала 1930-х гг. он жил с женой раздельно.¹⁴ Но если в детские годы сочувствие дочери естественным

¹⁰ Там же.

¹¹ До революции — суконная и одеяльная фабрика Джеймса Торнтон, переименованная в 1922 г. в фабрику шерстяных изделий «Красный ткач». В 1927—1929 гг. рядом с «Красным ткачом» была построена фабрика технических сукон, которой в 1933 г. было присвоено имя Э. Тельмана. В 1936 г. фабрики были объединены в предприятие, называвшееся Объединенные фабрики «Красный ткач» и технических сукон им. Э. Тельмана. В 1938 г. предприятие было переименовано в Ленинградский государственный комбинат тонких и технических сукон им. Э. Тельмана.

¹² Цит. по: Берггольц О. Встреча. С. 109.

¹³ Там же. С. 114.

¹⁴ В письме к отцу 1 сент. 1924 г. дочь писала: «Мне так хочется, так страстно хочется, чтобы образ моего папы был в моем сердце чистым и светлым, а на него падают тени! Почему, папа, почему?» (РО ИРЛИ, ф. 870). В дневнике Берггольц 1928—1930 гг. также встречаются довольно резкие оценки образа жизни отца.

образом было обращено в сторону страдающей от ревности матери («тогда же отца только осуждала»), то в зрелости духовная связь с Федором Христофоровичем осознается самой Ольгой и с годами укрепляется. Уместно здесь напомнить, что в «Дневных звездах» (книге, которую Берггольц считала *главной*) образ отца возникает в поворотные моменты судьбы дочери. Федор Христофорович поддерживает Ольгу в дни несправедливых и нелепых обвинений 1937 г., когда она была исключена из кандидатов в члены партии, профсоюза и Союза советских писателей и восстановлена только в середине 1938 г. В главе «Та самая полянка» Берггольц вспоминает об одном из таких дней, когда заботливый и любящий отец уводит дочь из гнетущего настоящего в мир детства. В другой главе «Поход за Невскую заставу» Ольга Федоровна описывает один из трагических дней своей жизни: поход по осажденному городу в феврале 1942 г. в амбулаторию к Федору Христофоровичу, чтобы сообщить о смерти мужа, Николая Молчанова, причем названия главок — «Путь к отцу» и «Секрет земли» — приобретают символическое значение. «Он понял, почему я пришла к нему, — пишет Берггольц. — Он знал, что Николай был в госпитале. И папа молча вышел из барьерчика, встал против меня и, низко склонив голову, молча поцеловал мне руку».¹⁵

С начала войны Ф.Х. Берггольц продолжал работу врачом амбулатории. 26 авг. 1941 г. под грифом «совершенно секретно» Военный совет Ленинградского фронта выпустил постановление об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинграда.¹⁶ Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. право подвергать административной высылке «социально опасных» лиц было дано военным властям на территориях, объявленных на военном положении. К «социально опасным элементам» власти причисляли немцев и финнов, проживавших в городе и области. По всей видимости, Федор Христофорович был отнесен органами НКВД к гражданам немецкой национальности и, таким образом, попал под «волну» этого постановления. История высылки отца прослеживается по дневникам Ольги Федоровны и ее письмам к сестре. «Сегодня моего папу, — пишет она 2 сент. 1941 г., — вызвали в Управление НКВД в 12 ч. дня и предложили в шесть часов вечера выехать из Ленинграда. Папа — военный хирург, верой и правдой отслужил Сов<етской> власти 24 года, был в Кр<асной> Армии всю гражданскую, спас тысячи людей, русский до мозга костей человек, по-настоящему любящий Россию, несмотря на свою безобидную стариковскую воркотню. Ничего решительно за ним нет и не может быть. Видимо, НКВД просто не понравилась его фамилия — это без всякой иронии.

¹⁵ Берггольц О. Встреча. С. 139.

¹⁶ Текст Постановления Военного совета Ленинградского фронта об эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов опублик. в сб. документов: Из районов области сообщают... Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Сб. документов / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 2006. С. 63.

На старости лет человеку, честнейшим образом лечившему народ, нужному для обороны человеку, наплевали в морду и выгоняют из города, где он родился, неизвестно куда.

Собственно говоря, отправляют на смерть. „Покинуть Ленинград!“ Да как же его покинешь, когда он кругом обложен, когда перерезаны все пути! Это значит, что старик и подобные ему люди (а их, кажется, много — по его словам) либо будут сидеть в наших казармах, или их будут таскать в теплушках около города под обстрелом, не защищая — нечем-с!

Я еще раз состарилась за этот день.

Мне мучительно стыдно глядеть на отца. За что, за что его так? Это мы, мы во всем виноваты». ¹⁷

По воспоминаниям М. Ф. Берггольц, Федору Христофоровичу предлагали стать секретным сотрудником НКВД, но он наотрез отказался. Тогда же в паспорт Берггольцу внесли помету о 39-й статье Положения о паспортах, введенного в действие Постановлением № 1667 Совета Народных Комиссаров от 10 сент. 1940 г. с инструкциями к применению. Статьи 38 и 39 данного Положения касались ограничений режима прописки и негласно запрещали проживание в крупных городах. Положение было официально обнародовано лишь до 35-й статьи, но все паспортники знали об ограничении прав лиц с 39-й статьей в паспорте, который в народе получил название «паспорта с повышенной температурой».

Ольга Берггольц пыталась защитить отца и обращалась к Я. Ф. Капустину — секретарю Ленинградского горкома ВКП(б), члену Военного совета Северного флота, занимавшемуся эвакуацией заводов, оборудования и кадров Ленинграда в тыл страны. 5 сент. 1941 г. она записала в дневнике: «Завтра батя идет к прокурору — решается его судьба. Я бегала к т. Капустину — смесь унижения, пузыри со дна души и т. п.». ¹⁸ Однако выселение финского и немецкого населения из Ленинграда осенью 1941 г. не состоялось: город уже был отрезан от Большой земли. Федор Христофорович остался в Ленинграде, но в покое его не оставили и периодически вызывали в УНКВД, куда ему приходилось добираться пешком через весь город.

Первую блокадную зиму Федор Христофорович разделял со всеми трудностями осады города. «Отец жив, — писала Ольга Марии Федоровне 24 дек. 1941 г. — Здоров настолько, насколько все ленинградцы...». ¹⁹ 8 февр. 1942 г. (после очередного вызова отца в НКВД) Ольга Федоровна записывает подробности жизни Федора Христофоровича: «В его маленькой амбулатории — тепло, чисто, даже светло, — есть фонари и свечи. Он организовал лазарет для дистрофиков, — изобретает для них разные кисельки, возится с больными сиделками, хлопочет, — уже старый, но бодрый, деятельный, веселый.

Естественно — мужественно, без подчеркивания своего героизма человек выдержал 5 месяцев дикой блокады, лечил людей и пекся о них неустанно, — несмотря на горчайшую обиду, нанесенную ему

¹⁷ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник / Вступ. статья, публ. и примеч. М. Ф. Берггольц // Апрель. М., 1991. Вып. 4. С. 128—129.

¹⁸ Там же. С. 129.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 24 дек. 1941 г. к М. Ф. Берггольц).

властью в октябре, когда его ни за что собрались выселить, жил общей жизнью с народом, — сам народ и костяк жизни города, — и вот!

Что-то все-таки откопали и допекают человека.

Власть в руках у обидчиков. Как их повылезало, как они распоясались во время войны и как они мучительно отвратительны на фоне бездонной людской, всенародной, человеческой трагедии».²⁰

29 янв. 1942 г. умер муж Берггольц Николай Степанович Молчанов: утрата была тяжела. Из писем Ольги и от приехавших в Москву ленинградцев Мария Федоровна узнала о том, что Ольга Федоровна находится в состоянии дистрофии, очень ослабла, «как-то сразу осела» и страдает отеками. М. Ф. Берггольц удалось приехать 25 февр. в Ленинград и срочно отправить сестру самолетом в Москву. Федор Христофорович эвакуироваться категорически отказался и остался в городе без поддержки родных.

Весной 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта вновь принимает постановления от 9 марта за № 00713 и от 20 марта за № 00714а о выселении финского и немецкого населения из Ленинграда и Ленинградской области.²¹ На этот раз избежать принудительного выселения Федору Христофоровичу не удалось. 17 марта 1942 г. по 39-й статье он был выслан из Ленинграда через Ладогу и города Череповец, Вологду, Глазов, Минусинск в с. Идра Красноярского края. Дочери узнали об этом в Москве. О. Берггольц сделала в дневнике запись от 27 марта 1942 г.: «Вчера из Вологды получили телеграмму от отца: „Направление Красноярск, просите назначить Чистополь. Больной отец“. Я, наверное, последний раз видела его в Ленинграде в радиокомитете. Его уже нет в Ленинграде. Он погибнет, наверное, в дороге, наш „Федька“, на которого мы так раздражались, которого мы так любили. А — о!».²² Желание Федора Христофоровича попасть в Чистополь было понятно: там находились родственники. 6 июля 1941 г. из Москвы в Берсут и Чистополь Татарской АССР был отправлен первый эшелон эвакуированных от Союза писателей. С этим потоком сын Ю. Н. Либединского и внук Берггольца — Миша попал сначала в санаторий Берсут, а затем в сентябре вместе с писательскими детьми был переведен в интернат Чистополя. Осенью 1941 г. со второй волной колонии эвакуированных родственников писателей и литераторов, не подлежащих военному призыву в армию, в Чистополь приехала Мария Тимофеевна Берггольц.

Следующая дневниковая запись Ольги Федоровны, касающаяся отца, относится к 3 апр. 1942 г.: «Получили письмо от отца, с какой-то станции Глазовой, от 28 / III. Он пишет: „родные мои, обратитесь к кому угодно (к Берия и т. д.) но *освободите* меня отсюда“. Он едет с 17/III, их кормят один раз в день, да и то не каждый день. В их

²⁰ *Берггольц О.* Встреча. С. 312—313. Из дневниковых записей Берггольц, сделанных в начале сентября 1941 г., следует, что первая попытка властей выслать ее отца, вменив ему 39-ю статью, относится ко 2—5 сент. В более поздних документах, а именно в приведенной выше записи, а также в заявлении прокурору А. Н. Фалину (публикуется далее) Ольга Федоровна указывает на октябрь 1941 г.

²¹ См.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР: 1930—1960. М., 2005. С. 92.

²² *Ольга Берггольц.* Из дневников / Вступ. статья, публ. и примеч. М. Ф. Берггольц // Звезда. 1990. № 5. С. 191.

вагоне уже 6 человек умерло в пути, и еще несколько на очереди. Отец пишет: „Силы гаснут, страдаю животом...“. Он заканчивает письмо — „простите меня за все худое...“.

Боже мой! За что же мы бьемся, за что погиб Коля, за что я хожу с пылающей раной в сердце? За систему, при которой чудесного человека, отличного военного врача, настоящего русского патриота вот так ни за что оскорбили, скомкали, обрекли на гибель, и с этим ничего нельзя было поделаться? А ведь „освободить“ отца почти невозможно. Кто же будет заниматься спасением какого-то доктора? „Спасати народ“! К кому кинуться? Писать челобитные — я же знаю по опыту, что это просто волокита. Попробую поговорить завтра с Фадеевым, но разве этот вельможа сделает хоть что-нибудь реальное? Вот центр<альный> клуб НКВД просит устроить им вечер и выступить у них. М<ожет> б<ыть>, там удастся растрогать кого-нибудь из чинов и добиться до Берия или кого-нибудь в этом роде? Все это бесполезно, я знаю, но буду пробовать. Если отец выживет, он доберется до Красноярска, куда его направляют, — а, м<ожет> б<ыть>, он уже погиб? Где искать его? Кто этим сейчас будет заниматься? О подлость, подлость».²³

Ольга Федоровна пишет заявления об отце, подает их московским партийным «хозяевам жизни», а 11 апр. на вечере в клубе НКВД узнает, что заявления переданы секретарю наркома и что решено «действовать через Кубаткина» Петра Николаевича, начальника НКВД Ленинграда и Ленинградской области. Беспокойство за отца достигает предела 13 апр. и вызывает еще одну суровую инвективу Берггольц в адрес властей: «От отца с 3 / IV нет вестей, — пишет Берггольц в дневнике 13 апр. 1942 г. — Может быть, его уже нет в живых, — погиб в пути, как погибают тысячи ленинградцев? Ленинград настигает их за кольцом. У Алянского в пути умерла жена, здесь — в Москве — сын. А почтенное НКВД „проверяет“ мое заявление относительно папы. Еще бы! Ведь я могу налгать, я могу „не знать всего“ о собственном отце, — они одни все знают и никому не верят из нас! О, мерзейшая сволочь! Ненавижу! Воюю за то, чтоб стереть с лица советской земли их мерзкий, антинародный, переродившийся институт. Воюю за свободу русского слова, — во сколько раз больше и лучше наработали бы мы при полном доверии к нам! Воюю за народную советскую власть, за народоправие, а не за почтительное народодействие. Воюю за то, чтоб чистый советский человек жил спокойно, не боясь ссылки и тюрьмы. Воюю за свободное и независимое искусство».²⁴

20 апр. Ольга Берггольц возвращается из Москвы в Ленинград, а 24 апр. пишет Марии Федоровне: «Что касается отца, дозвонилась, наконец, до товарища Х. Завтра пойду. Я трижды хваталась за телефонную трубку, чтоб позвонить отцу... Эх! Что говорить!».²⁵ На следующий день, 25 апр., она дописывает письмо: «Была сегодня у тов<арища> Х насчет отца, выслушал сочувственно, обещал „выяснить“ и просил

²³ Там же. № 6. С. 154.

²⁴ Там же. С. 157.

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 24—25 апр. 1942 г. к М. Ф. Берггольц).

позвонить через день. Кроме того, сказал, „кажется, был запрос и, м<ожет> б<ыть>, мы уже ответили“».²⁶

В Минусинск Ф.Х. Берггольц приехал в середине апреля 1942 г. и сразу попал в больницу. После выписки из больницы он выехал из Минусинска в с. Идра, где устроился работать врачом в сельской амбулатории. Очередное письмо от отца Ольга Федоровна получила 7 июля. К этому времени литературная репутация Берггольц упрочилась тем, что впервые в центральном органе — «Правде» было напечатано ее стихотворение.²⁷ Теперь, «в новой ипостаси», Берггольц хлопочет об отце и пишет сестре: «Получила сегодня письмо от папы от 21 / VI, довольно бодрое, хотя местные кретины чинят ему всякие препятствия из-за 39 ст. Хлопот капитальных я пока не начинала, т<ак> к<ак> в предыдущих письмах он писал, что, возможно, передвинется, и я не знала, куда что направлять. Кроме того, здесь шла и еще идет та же вонючая волна, которая унесла и его, и соваться было бы с ним совсем нехотать. Теперь вновь начну, т.е. с новым материалом и в новой ипостаси товарища, печатающегося в Ц<ентральном> О<ргане>! Я уже писала тебе, что Сашка Ф<адеев> направил в Горком ВКП(б) вызов отцу на работу в Чистополь и просьбу посодействовать ему. Но об этом отец еще не пишет <...> Спрашивает и беспокоится о тебе, о матери, о Мишке! Пишите вы ему, господа, до чего его жаль».²⁸ Через два дня, 9 июля 1942 г., Ольга Федоровна посылает письмо матери, в котором просит поддержать отца: «Ради бога, пиши ему хоть немного, — он очень обижен всем, что с ним произошло, он хороший. Я делаю тут, что могу, для восстановления справедливости, но двигается пока что туго, — ты не пиши ему об этом. Хуже всего то, что *нет никакого дела*, а есть чья-то тупость, которую труднее всего преодолеть. Фадеев пока что послал телеграммы за своей подписью в Красноярский обком и Минусинский горком — с вызовом отца в Чистополь „на работу“ и с просьбой помочь ему, может быть — поможет».²⁹

И Фадеев действительно помог. Как раз в то время (с конца апреля по 8 июля 1942 г.) он находился в Ленинграде, откуда вместе с Берггольц выезжал на фронт, выступал на радио и близко познакомился с ленинградским писательским бытом.³⁰ Как руководитель Союза писателей Фадеев принимал в военное время непосредственное участие в вопросах перемещения писательских семей, посылал вызовы, устраивал командировки и лично организовывал эвакуацию из Москвы 14—15 окт. 1941 г. Маленький, провинциальный Чистополь приютил тогда целую колонию московских писателей, среди которых были К. А. Тренев, Б. Л. Пастернак, Л. М. Леонов, Н. Н. Асеев, К. А. Федин, М. В. Исаковский и др. Там же находилась и семья Фадеева. При его содействии в начале ноября Федор Христофорович переехал из Минусинска в Чистополь и поселился с М. Т. Берггольц и внуком Мишей.

²⁶ Там же.

²⁷ *Берггольц О.* Ленинграду // Правда. 1942. 30 июня. № 181. С. 2.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 7 июля 1942 г. к М. Ф. Берггольц).

²⁹ См.: *Берггольц О.* Победоносное терпенье... С. 106.

³⁰ О пребывании в Ленинграде см. книгу очерков: *Фадеев А. А.* Ленинград в дни блокады. Из дневника. М., 1944.

Разлука с родными рождала взаимное беспокойство. Озабоченная неизвестностью местонахождения отца, 18 нояб. Ольга посылает матери телеграмму: «Немедленно сообщи, приехал ли папа, здоровье всех, волнуюсь, послала письма. Ольга». На обороте телеграммы сохранился ответный текст, написанный рукою Марии Тимофеевны: «Все здоровы. Папа приехал, работает директором поликлиники. Получила твою фотографию. Пиши. Мама».³¹

С 10 нояб. 1942 г. по 28 авг. 1943 г. Федор Христофорович работал в госпитале и главным врачом поликлиники № 2. В Чистополе в это время было несколько госпиталей, и город нуждался в квалифицированных врачах, которые, наряду с писателями, составляли культурную часть населения. Жизнь в глухом провинциальном городе была неустроенна во всех отношениях, и Федор Христофорович, оторванный от родного Ленинграда, сильно тосковал и «рвался» обратно. О чистопольском быте времен войны остались зарисовки в многочисленных воспоминаниях эвакуированных литераторов. «В Чистополе мы попали в XIX век, — вспоминал Вадим Белоцерковский, сын драматурга В. Н. Билль-Белоцерковского, — если не дальше. Старые деревянные осевшие в землю дома царских времен, неасфальтированные грязные улицы, отсутствие машин, водопровода, канализации. <...> Электрический свет давали только на несколько часов в сутки и с частыми перебойми. Не было и керосина. Освещались самодельными масляными коптилками...».³²

Тем не менее в этот период Ольга Федоровна считает нецелесообразным и опасным возвращение отца в блокадный Ленинград. Она пишет сестре: «Теперь насчет папы-мамы. Жалко мне их до слез, но, Муська, из тыла вообще мрачнейшие письма идут, худо люди живут, страдают очень. Это не утешение для нас с тобой, но это к сведению <...> Поскольку отец здоров, работает, нет никакой экстры надрываться над его возвращением сюда, — он тут только меня нервировать будет, а лучше здесь ему не будет. <...> Мучительно, что у нас так дети и старики страдают из-за наших дел — войны. Если мы несем полную ответственность за все происходящее, то дети-то и старики должны бы были быть в стороне, а получается, что им еще хуже, чем нам».³³

В июне 1943 г. писательскую колонию реэвакуируют в Москву. Уезжают из Чистополя и М. Т. Берггольц с внуком, а кочевая жизнь Федора Христофоровича продолжается. По записям Лебединского, в сентябре 1943 г. он переезжает в Казань, работает в эвакогоспитале № 3652 врачом-ординатором, позже его переводят в Тулу в той же должности в эвакогоспиталь № 5865, который затем переформируют в полевой фронтальной госпиталь. С июня 1944 г. Ф. Х. Берггольц работает в Туле в эвакогоспитале № 5383 врачом-ординатором.

Между тем Берггольц продолжает борьбу за ликвидацию «дела» отца и снятие 39-й статьи. «Насчет отца подаю письмо Жданову, —

³¹ РО ИРЛИ, ф. 870 (телеграмма от 18 нояб. 1942 г. к М. Т. Берггольц; на обороте — текст ответной телеграммы М. Т. Берггольц).

³² Цит. по: Громова Н. А. Эвакуация идет... 1941—1944. Писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М., 2008. С. 25—26.

³³ РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо О. Ф. Берггольц к М. Ф. Берггольц от 8—12 янв. <1943> г.).

пишет она сестре 11 мая 1943 г., — а когда приеду в М<оскву>, надо будет заняться его подтягиванием куда-нибудь поближе».³⁴ Наконец, не добившись желаемого результата, Ольга Федоровна пишет заявление городскому прокурору А. Н. Фалину.³⁵ Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Берггольц обращается к тому самому человеку, Анатолию Николаевичу Фалину, который во время ареста и тюремного заключения поэтессы в 1938—1939 гг. был старшим следователем. В архиве Берггольц сохранилась машинописная копия этого заявления. Заявление не датировано и содержание не дает возможности установить точную дату его написания. Лишь по косвенным данным можно определить крайние даты документа. По адресу, указанному Ольгой Федоровной в заявлении, оно могло быть написано не раньше апреля — мая 1943 г., так как переезд на ул. Рубинштейна, 22 начался приблизительно с 8 апр.,³⁶ да и заявление к прокурору последовало, скорее всего, после майского письма к А. А. Жданову. Кроме того, в заявлении указано место работы и должность Ф. Х. Берггольца — эвакогоспиталь в Туле, что позволяет считать, что заявление могло быть написано еще позднее, предположительно, в конце 1943 г. или в 1944 г. Заявление прокурору, представляющее собой как бы своеобразную биографию Федора Христофоровича, написанную его дочерью, публикуется полностью.

ГОРОДСКОМУ ПРОКУРОРУ ФАЛИНУ А. Н.
ЗАЯВЛЕНИЕ

От Берггольц О. Ф.
ул. Рубинштейна, 22, кв. 8, т. 4—97—48

В самом начале октября месяца 1941 года мой отец, Бергольц Федор Христофорович, врач больницы при комбинате им. Тельмана (быв<шая> ф<абри>ка Торнтон)³⁷ был

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 11 мая 1943 г. к М. Ф. Берггольц). Упомянутый в письме партийный и государственный деятель *Жданов Андрей Александрович* (1896—1948) в годы войны был членом Военного совета Ленинградского фронта, первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии.

³⁵ О *Фалине Анатолии Николаевиче* (1911—1972) известно немного. В 1934 г. он окончил ЛГПИ им. Герцена и до августа 1938 г. преподавал историю в Морском техникуме. Затем работал в правоохранительной системе Ленинграда. В 1941 г. Фалин имел звание старшего лейтенанта госбезопасности и был начальником следственной части Управления Наркомата КГБ по Ленинградской области. В 1942 г. работал заместителем начальника отдела Управления НКВД ЛО; в этом же году за успешную операцию был награжден орденом «Знак Почета». Летом 1943 г. был назначен начальником Управления Наркомата юстиции РСФСР по Ленинграду, а с октября 1943 г. по 1946 г. — городским прокурором Ленинграда. В 1946 г. награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (см.: ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 38, № 735, л. 39 об.; оп. 39, № 750, л. 8). С января 1946 г. Фалин работал прокурором Ленинградской области. 3 дек. 1948 г. решением бюро Ленинградского областного комитета ВКП(б) был освобожден от занимаемой должности, в декабре 1950 г. исключен из партии; восстановлен 16 июля 1954 г. Краткие сведения о Фалине и его фотопортрет см.: Знаменитые люди Санкт-Петербурга. Биографический словарь: В 15 т. СПб., 2008. Т. 6. С. 431; *Строгонов П. П.* Щит и меч блокадного Ленинграда. СПб., 2009. С. 185.

³⁶ См., например, в письме: «Переезжаем, — в квартире до первой бомбы будет очень уютно, но, кажется, я уже так острила». РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 8 апр. 1943 г. к М. Ф. Берггольц).

³⁷ См. примеч. 11.

вызван на пл. Урицкого в милицию, где у него потребовали паспорт и без всякого объяснения причин перечеркнули прописку, а в пункт 8 вписали — «на основании статьи 39», после чего отцу было предложено в 24 часа покинуть город.³⁸ По причинам, не зависящим ни от отца, ни от милиции (начавшаяся блокада Ленинграда), отец выехать не смог. Райздравотдел предложил ему продолжать работу, что отец и стал делать, и тем временем подал заявление в горпрокуратуру. В беседе с отцом прокурор (фамилии не помню) спросил отца, правда ли, что он немец, и правда ли, что его отец был крупным акционером? Отец ответил, конечно, что и то и другое неправда: немцев у нас в роду не было и нет, отец отца (мой дед) латыш по национальности, с детства работал в Ленинграде и никогда не был ни крупным, ни мелким акционером, а свыше 50 лет про-работал на одном месте, на ф<абри>ке быв<шей> Паль (имени Ногина).³⁹

Прокурор обещал «разобрать дело», отцу продлили прописку, он всю блокадную зиму в высшей степени самоотверженно работал в своей больнице, а в марте месяце все же ему было предложено выехать из Ленинграда... Видимо, все же в связи с тем, что кто-то принимал его не то за немца, не то за «сына крупного акционера», т<ак> к<ак> никаких объяснений ему так дано и не было, а каких-либо причин вообще к подобного рода репрессии — не существует.

Вся жизнь отца — жизнь честного русского врача. Он по специальности хирург. В 1914 году, сразу после окончания Университета, был мобилизован как военный хирург и всю Первую мировую войну провел на передовых позициях. С момента Октябрьской революции — в рядах Красной Армии, опять в качестве военного хирурга, на фронте Гражданской войны, гл<авным> обр<азом> (далее текст не пропечатался. — Н. П.) ...ных. На территории белых никогда не был. После демобилизации из (текст не пропечатался. — Н. П.) [С] 1921 года непрерывно работает в амбулатории и больнице при ф<абри>ке «Красный ткач», она же потом комбинат имени Тельмана (быв<шая> Торнтон, на правом берегу Невы), где заслужил себе большую любовь рабочих и работниц фабрики как внимательный и опытный врач. Неоднократно премировался за свою работу. Ежегодно был привлекаем в качестве врача на призывные пункты. С первых дней Отечественной войны опять-таки работал в качестве врача на мобилизационных пунктах в Володарском районе. Даже тогда, когда с ним произошла эта неприятность, в октябре 1941 года, спецотдел фабрики дал ему положительную характеристику. Родственников у нас за границей или связи с ней не было и нет; репрессированных родственников — так же. Поэтому нет сомнений, что высылка отца — итог какого-то недоразумения или ошибки.

Убедительно прошу Вас ликвидировать это недоразумение, *снять с отца статью 39*, которую он никоим образом не заслужил за всю свою жизнь, посвященную целиком работе по охране здоровья бойцов и рабочих нашей страны.

После выезда из Ленинграда отец работал в разных медучреждениях на периферии, в настоящее время работает старшим ординатором в эвакуогоспитале в Туле.⁴⁰

Публикуемое заявление, вероятно, и было написано после случайной встречи Ольги Берггольц с Фалиным, о чем Мария Федоровна вспоминала так: «Эта встреча была очень значительная. Об этом надо рассказать.

Ольга была уже в славе, в городе ее все знали, и она рассказывала: „Представляешь, вдруг смотрю, и через ряд сидит мой старший следователь, палач, Фалин. Меня всю затрясло“. А он в это время уже был прокурором... главным прокурором города. Он оглянулся, осклабился:

³⁸ См. примеч. 20.

³⁹ Имеется в виду Акционерное общество Александрово-Невской мануфактуры «К. Я. Паль», преобразованное в 1920-е гг. в Государственный всесоюзный прядильно-ткацкий комбинат им. Ногина.

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 870 (заявление О. Ф. Берггольц городскому прокурору А. Н. Фалину). Фамилия отца в заявлении напечатана так: Бергольц.

„Ольга Федоровна, а вы узнаете меня?“. Она говорит: „Узнаю“. Сжала зубы. „Чем могу быть вам полезен?“. И вот тут Ольга, надо отдать справедливость великому ее характеру (наверно, я бы не сдержалась), а она сказала: „Можете быть полезны“. И просила за отца. Нашего отца в блокаду выслали туда в Сибирь за то, что категорически отказался быть сексотом, то есть доносить на своих больных, которые ему доверяли как богу. Никакие наши ходатайства не помогали. Вот до этой встречи. Фалин сразу согласился, мол, какие пустяки. Правда, на следующий день он сказал, что это очень трудно сделать, потому что дела на отца не было (а откуда ему быть?), однако через некоторое время помог сделать, как папа говорил, „индульгенцию“⁴¹. Впрочем, «некоторое время» тянулось довольно долго и лишь к концу 1944 г. Берггольц удалось добиться снятия 39-й статьи и реабилитации Федора Христофоровича. Таким образом, по выявленным архивным и эпистолярным источникам, хлопоты Берггольц об отце шли «через Кубаткина», А. А. Жданова и, наконец, А. Н. Фалина.

Тему административной высылки и «дела» Федора Христофоровича сюжетно замыкает пятое из публикуемых писем Ольги Берггольц от 11 нояб. 1944 г., в котором дочь сообщает о том, что скоро на руках у отца будет «настоящий, чистый, справедливый документ». Но лишь в начале февраля 1945 г. Ф. Х. Берггольц получает новый паспорт. С осени 1945 г. он переходит на работу в дом инвалидов на ст. Куровская, где работает до марта 1947 г. В начале апреля 1947 г. приезжает и поселяется в Ленинграде и с этого времени постоянно лечится в Военно-медицинской академии, больницах им. Урицкого и им. К. Маркса с диагнозами воспаление легких и сердечная недостаточность. Тяготы войны и блокады, а также испытания, вызванные произволом властей, не могли не ослабить его здоровья и, возможно, ускорили его смерть.

Последнее из публикуемых писем Ольги Берггольц не было передано отцу, что позволяет предположить, что оно было написано незадолго до его смерти. На оборотной стороне листа имеется помета рукой Ольги Федоровны: «Письмо, написанное и не отданное отцу». Представляется не случайным тот факт, что не дошедшее до адресата письмо было все-таки сохранено его дочерью как последнее заверение в любви и эмоционально-духовной близости, возникшими не только по родству. «Я обязана тебе всем самым лучшим, что есть во мне, — писала Ольга Федоровна, — жадным жизнелюбием, чувством юмора, упрямством, целомудрием чувств, даже — здоровым цинизмом! Я так хочу, чтоб ты жил!» (наст. публ., письмо б).

Умер Федор Христофорович в больнице 7 нояб. 1948 г., похоронен на Шуваловском кладбище. Умирая, отец слышал голос Ольги, которая вела по радио праздничный репортаж. Мария Берггольц писала: «...в больнице умирал наш отец, а ты в это время вела репортаж с площади Урицкого, то есть с Дворцовой (я все держала наушник

⁴¹ *Берггольц О.* Встреча. С. 227. Эпизод встречи с Фалиным, описанный Марией Федоровной с другими подробностями, см. также: *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник. С. 144.

у его уха и знала: пока он тебя слышит — не умрет!), я на минуту вышла из палаты. Рыжебородый плотник, который раньше лежал с ним в палате, тоже наш, заставский (он, видно, сторожил у палаты, но не смел войти), спросил меня: „Ну, как?..“. А я с отчаянием сказала: „Погибает!“. И он, сверкнув своими черными глазами (губы дрожали, даже рыжая борода этого не скрыла), сказал: „Великий был человек!“. Даже если вся его жизнь была для этих, сказанных тогда слов — она прошла не даром!».⁴²

Письма публикуются по автографам (четыре письма) и по авторизованной и правленной машинописи (два письма); на трех письмах из шести имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой. Ленинград». Подчеркнутые в письмах слова даны в тексте курсивом, сокращения раскрыты в ломаных скобках.

⁴² Вспоминая Ольгу Берггольц. С. 575.

2 / X—42.

Дорогой мой, родной папа! Я просто совершенно теряюсь, — ты пишешь, что получил всего два моих письма. Я послала их тебе не менее 10—12 штук, и почти в каждом писала о твоих вещах, зарплате и т. п. И у меня просто слезы выступают, когда я в сотый раз читаю твои просьбы о вещах и деньгах. Кстати, сам ты так долго писал мне об этом с такой неопределенностью, что я совсем недавно выяснила, *что именно* ты оставил в амбулатории. Ну, что ж, придется повторить все еще раз, но *умоляю*, ответь мне на это письмо с ссылкой на его дату, чтоб мне знать, что ты, наконец, все знаешь. Сначала информирую тебя, затем задаю вопросы.

1) Слепцова¹ получила *все*, что тебе причиталось. 500 руб. она взяла себе, — у нее твоя расписка на 500 р<уб.>. 789 руб. отправила тебе в мае на *Минусинск*,² до востреб<ования>. Все время уверяла меня, что квитанция у нее есть, а когда я за ней приехала, она сказала, что квитанцию у нее украли. След<овательно>, доказательств в том, что она действительно отправила деньги, у нас нет. Я ходила на почту сама, узнавала, можно ли получить копию квитанции, мне сказали, что *нельзя* и что квитанция, выданная на руки, — единств<енный> документ. Но этого документа нет, значит, вероятнее всего, что она присвоила эти деньги. А доказать этого — опять-таки нельзя. Но ты ни разу не написал мне: *справлялся ли ты на почте в Минусинске? М<ожет> б<ыть>*, все-таки там с мая м<еся>ца деньги лежат? *Я умоляю тебя написать мне об этом*, а ты, как ребенок, пишешь одно: «Сл<епцовой> я не верю...». Раньше надо было об этом думать, папа! Если тебе ответят из Минусинска, что деньги туда не приходили, значит, она их присвоила. Надо считать их пропавшими. Хотя я абсолютно не виновата в этом, я постараюсь вернуть их тебе из своих, т<ак> к<ак> ты прогрыз мне ими всю голову.

2) Из твоих вещей, опрометчиво доверенных тобою той же Слепцовой, цел только чемоданчик с бельем и ящик с сапож<ными> инструментами. Пальто, сапож<ного> товара и всего другого, о чем ты пишешь — нет, Слепцова уверяет, что *ничего, кроме этого ящика и чемоданчика, и не было*. Чем я докажу, что было? Видимо, тебе

надо примириться и с утратой этих вещей. Наверное, она их продала и прожрала. Что можно сделать? Я советую тебе прислать заявление на Слепцову в спецотдел, или в фабком, или в райздрав, я не знаю, куда лучше. Поможет ли это? Если она присвоила деньги и вещи, — навряд ли, тем более, что есть ли у тебя хотя бы свидетели, что *именно ей* ты доверял *именно то-то и то-то*. Папочка, родной, рекомендую тебе просто-напросто смириться с пропажей этого барахла и этих 700 рублей, — стоит ли из-за них портить жизнь? Ведь живешь же без них, и проживешь дальше, [а] выживем, ей-Богу, наживем еще больше и лучше, только бы выдержать. Ты прости, дорогой, но в то время, когда мы все теряем так много, когда мы потеряли Николая,³ что значит это твое пальто? Я понимаю, что оно нажито тобой честным трудом, но все будет, все будет, не трепли ты только себе нервы, плюнь на это! Знал бы ты, как обчистили моего Юрку,⁴ три отреза, кожу на пальто и т. д. и т. д. У Молчановых⁵ погубило все имущество, т<ак> к<ак> их квартиру разнесло снарядом и т. д. Война!

3) Я уже писала тебе, что тетя Тася⁶ умерла еще в марте, а перед смертью продала твой розовый фарфор и еще что-то. Тоже не возместишь. Я писала тебе, что дом на Палевском⁷ будут ломать, тетя Валя⁸ звонила мне об этом. Мебелишку твою мне взять некуда — буфет, стол и т. д. На Троицкую это просто не затащить, да и транспорта нет. Продать не удалось, несмотря на попытки Вали, никто не покупает. Итак, видимо, это тоже пропадет. Итак, в Л<енингра>де из твоего имущества сохраняется то, что ты оставил у меня, и то носильное (брюки и пр.), что находится у Ивановых,⁹ и чемоданчик с бельем в амбулатории у Кувалдина.¹⁰ Папа, мне неприятно сообщать тебе обо всем этом, но уж лучше знать правду, что у тебя нет бывшего угла, нет обстановки, и всего лишь кое-что из белья и одежды. Но ведь это — война, папа! И погоди, погоди, не впадай в отчаянье или уныние! Давай смотреть вперед, а не назад, давай не будем оплакивать пропавшего буфета, право, он не стоит того. Повторяю — главное для тебя сохранить бодрость и здоровье для будущего, а оно не так уж мрачно. Несмотря на все страдания, которые выносит наша страна, — мы все же побьем проклятых немцев. Ты знаешь это. Это главное. А кроме того, в частности: несмотря на еще не прорванную блокаду, несмотря на то, что, как говорил чеховский Редька, — «все может быть»,¹¹ мы с Юркой твердо решили вить гнездо, такое, которое соответствует людям, достигшим более 30 лет. В этом месяце я должна получить приличную квартиру, а Юрке в наследство от одного уехавшего профессора досталась очень хорошая обстановка и библиотека. Думаем, что в октябре мы все оборудуем, и с расчетом на новую трудную зиму и в то же время с расчетом на будущий мир. Т<ак> ч<то>, когда ты вернешься в Л<енингра>д, у тебя будет родной оборудованный угол, и даже, папочка, внук или внучка, т<ак> к<ак> на этот раз это все на самом деле, уже проверено, и должно произойти в марте 43 года. Да, вообще, найдем тебе в Л<енингра>де угол, это здесь сейчас не проблема, свободной жилплощади много. И обстановку найдем. Видишь, все не так уж плохо. Брось горевать о вещах, только подорвешь нервы. Остатки, если не разбомбит, сберегу все.

4) Теперь о твоих делах. Я подала на главное лицо большое заявление; улита едет, но все же мне обещано было самое внимательное расследование, и имеется поддержка горкома ВКП(б). Быть может, к празднику чем-нибудь обрадую тебя. Но прошу об одном: *о терпенье и выдержке с твоей стороны!* Напрасно ты ссылаешься на Мусин опыт со мной в 38 году.¹² Сейчас все по-другому, другое время, другая обстановка, ты должен это понять. Статьи у тебя не будет, я этого добьюсь, но навряд ли ты вернешься в Л<енингра>д в этом году. Это будет, вероятно, весной, но, впрочем, все будет зависеть от обстановки. А сейчас, даже если бы ты имел эту возможность, я бы не рекомендовала тебе этого делать. Ты отдал Л<енингра>ду все, что мог. Ты сам пишешь, что ослаб. Тебе трудно было бы выдержать здесь вторую зиму, сопряженную к тому же с работой. Мы надеемся, что эта зима не будет столь страшной, как в прошлом году, но закрывать глаз на ее суровость — нельзя. Кроме того, я сама недавно выступала по радио, говоря о том, что «враг не оставил мысли о том, чтоб взять Л<енингра>д штурмом».¹³ Об этом же ты, видимо, читаешь в газетах, и, как ленинградец, должен понимать, что это все значит. Мы по-прежнему, и даже больше, чем в прошл<ом> году, уверены в том, что Л<енингра>да немцам не видать, но город может подвергнуться очень серьезным испытаниям, и незачем тебе, усталому и пожилому человеку, это выносить. Ты и там приносишь людям пользу, и по возвращении сюда будешь нужен, но лучше тебе пока побыть в тылу. Я знаю, что тебе там одиноко, что твои бытовые условия невеселые, но, право же, это лучше условий Л<енингра>да во много раз... Я хочу, чтобы ты понял меня до конца, я пишу очень серьезно. Только не беспокойся за меня, после Колиной смерти я решительно ничего не боюсь, ни жизни, ни смерти, и живу пока неплохо.

Я рада, что тебе понравилась «Ленингр<адская> поэма».¹⁴ Я хотела тебе послать ее давно, да поскольку ты все время пишешь, что не получаешь моих писем, — побоялась. Да, могу отрапортовать тебе как отцу, что успех у нее огромный. О фактах этого успеха можно было бы исписать целые страницы, — ну, например, как список поэмы фронтовики покупали за хлеб (кило!), как один боевой катер бил по немцам с цитатами из поэмы, как с читкой поэмы провозжали в поход подводную лодку, и много, много другого. У меня десятки писем, — и с большой земли, и из землянок, и с многих фронтов, особенно, — с ленинградского; от вдов, от бойцов, даже из тыловых колхозов.¹⁵ Из колхозов пишут, что «выращиваем вам хлеб насущный, ленинградский и т. д.». Бойцы пишут, что со словами поэмы идут в бой и в снайперские засады, и, трогательней всего, клянутся *мне*, что будут биться беззаветно. Есть ряд писем в стихах, много коллективных. В сентябре мне пришлось много ездить, была в Кронштадте, была два раза на фронте.¹⁶ Много выступала и читала, и меня везде встречали, — и бойцы, и командование, как старую знакомую. Знают, понимаешь, как никого из ленинградских писателей. К вашей дочери, папа, пришла настоящая слава, не через статьи (их до сих пор нет), не через чины, а снизу, от самого народа, и слава почетная: «ведь вы *правду* пишете», — говорят мне всюду. Это народное признание бесконечно дорого мне, и я желаю только одного —

оправдать его в дальнейшем. Работаю над новой большой вещью к 25-летию Октября; написала две вещи, которые уже стали широко известны в армии и флоте.¹⁷ Очень много пришлось ездить и выступать, но теперь в связи со своим положением резко сокращаю выезды и сажусь только за юбилейную поэму. Она должна быть очень острой и правдивой.¹⁸ Одно убийственно, что Коля не может порадоваться этому моему успеху, — ведь все это принадлежит ему! Кстати, «Февр<альский> дневник» полностью опубликован был в «Комс<омольской> пр<авде>» от 5 / VII, стал широко известен за кольцом, исполняет его в Сибири Алиса Коонен.¹⁹ Тоже много писем. А чтением «Ленингр<адской> поэмы» открыло работу пресс-бюро при Союзе пис<ателей> в Москве.²⁰ Пишу сейчас и корреспонденц<ию> для Америки,²¹ готовлю большое публицистич<еское> выступление на Л<енингра>д о своих фронтовых и флотских впечатлениях. Видишь, работы много, а сил, увы, после зимы меньше, чем в пр<ошлом> году. Но, в основном, я чувствую себя хорошо, все протекает пока что благополучно, Юрка счастлив и обожает меня, — много похожего даже на любовь Коли, заботится необычайно. Он мобилизован в Политич<еское> управ<ление> Балтфлота, но работает от них на радио. Бытовые условия и пища у нас лично приличная. Е. М.²² здорова, толста, писала тебе. Папочка, Яшка²³ и Юрка горячо приветствуют тебя и говорят, что о *месте* для дочки озаботятся, но дочке — придется *строчить*. Пиши. Целую. Твоя Ляля.

P. S. Твоего письма с доверенностями на облигации не получила. Напиши, получил ли ты мое ценное письмо с аттестатом на пенсию и справкой? Я послала его еще в конце августа, застраховав на 600 руб. Хотя телеграмма помогла, все же хотелось бы, чтоб ценное дошло до тебя. Мать *пишет* тебе.²⁴ Я посылаю ей посылку из мануфактурного барахла на мену. Муське²⁵ отдала все до копейки мои московские деньги, а это не менее 3 тысяч. Посылала деньги и Колиным племянникам. Пошлю на днях еще и тебе — руб. 200—300. Видишь, я даже из блокады стараюсь помочь родным, но сейчас у меня затор с деньгами, да и надо подготовиться к зиме и к встрече будущего ленинградца, т<ак> ч<то> ты не обижайся, если буду посылать тебе меньше, чем предполагала, пока в процессе работы денег мало, потом пойдут. Книжку свою пошлю, как только выйдет.²⁶ Ольга.

¹ Слепцова А. М. — старшая медсестра амбулатории комбината тонких и технических сукои им. Э. Тельмана.

² В Минусинск Ф. Х. Берггольц приехал в середине апреля 1942 г. и сразу же, больной, был помещен в больницу, из которой выписался в начале мая, а 16 мая выехал из Минусинска.

³ Молчанов Николай Степанович (1910—1942) — литературовед, журналист, второй муж Ольги Федоровны. Родился в Новочеркасске в семье учителей. В 1930 г. окончил факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета и вскоре уехал с Берггольц, ставшей его женой, в Алма-Ату, где работал в газете «Советская степь». В 1932 г. служил в РККА, но по болезни был комиссован. В 1938 г. защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук «К проблеме Пушкина в 60-е годы». Работал в библиотеках города, читал лекции, занимался литературной деятельностью. В 1938—1940 гг. работал в Публичной библиотеке. Умер от истощения в блокаду. Его памяти Берггольц посвятила стихотворение «29 января 1942 года».

Подробнее о Молчанове см.: *Бащурова О. А.* Молчанов Николай Степанович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1931—1945. СПб., 2003. С. 397—398.

⁴ *Макозonenко Георгий Пантелеймонович* (1912—1986) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Ленинградского государственного университета. Читал лекции по истории литературы XVIII и XIX вв., преподавал в 1946—1983 гг. Во время войны работал военным корреспондентом Радиокomiteта, был мужем О. Берггольц.

⁵ Имеется в виду семья Н. С. Молчанова: его мать *Сыsoева Мария Гордеевна*, сестры *Виктория*, *Ольга* и брат *Владимир*. Отец Молчанова — *Степан Николаевич Молчанов* погиб в железнодорожной катастрофе в 1917 г.

⁶ Имеется в виду *Грустилина Анастасия Тимофеевна* (1891?—1942) — тетя Ольги Берггольц по материнской линии.

⁷ Дом по адресу: Шлиссельбургская часть, Палевский проспект, 6 (ныне проспект Елизарова), принадлежал с 1901 по 1917 г. Христофору Фридриховичу Берггольцу, а после национализации дома жильцы выбрали его домоуправом. В том же доме на 1-м этаже под квартирой Христофора Фридриховича жила семья Ф. Х. Берггольца. Во время блокады дом был разобран на дрова.

⁸ *Иванова (урожд. Грустилина) Валентина Тимофеевна* (1897—1987) — тетя Ольги Берггольц по материнской линии. Во время блокады работала телефонисткой.

⁹ *Ивановы* — семья Валентины Тимофеевны Ивановой.

¹⁰ *Кувалдин* — сослуживец Ф. Х. Берггольца.

¹¹ Персонаж повести А. П. Чехова «Моя жизнь» (1896).

¹² Речь идет об участии М. Берггольц в судьбе сестры и в освобождении О. Берггольц из тюрьмы, в которой она находилась с 14 дек. 1938 по 3 июля 1939. Комментируя стихотворение «Мне старое снилось жилище...», М. Ф. Берггольц писала: «Написано это стихотворение в тюрьме, в марте 39-го, в одиночке 17. Вот в таких страшных условиях душу держит детство. Тогда Бог умудрил меня, дал мне силы, я окликнула, позвала, помогла Ольге выйти из тюрьмы». См.: *Берггольц О.* Встреча. С. 233.

¹³ Неточная цитата из радиопередачи «Сентябрь сорок второго года». Ср.: *Берггольц О.* Говорит Ленинград. М., 1964. С. 49—50.

¹⁴ Над «Ленинградской поэмой» Берггольц начала работать в середине апреля 1942 г. Впервые напечатана: Ленинградская правда. 1942. 24 июля. № 174. С. 3; 25 июля. № 175. С. 2.

¹⁵ Цитаты из «Ленинградской поэмы» и упоминания о ней см. в письмах к О. Ф. Берггольц, опубл. А. Рубашкиным: Десять писем: К шестидесятилетию Ольги Берггольц. Вместо литературного портрета // Звезда. 1970. № 5. С. 173—180. Отзывы читателей о «Ленинградской поэме» см. также: *Берггольц О.* Победоносное терпенье... С. 108.

¹⁶ В личном фонде 870 Берггольц сохранилось выданное ей удостоверение № 9575 к памятному знаку «Защитник крепости Кронштадт в обороне Ленинграда 1941—1944 гг.».

¹⁷ Скорее всего, имеются в виду стихотворения «Сентябрь сорок второго года» («Печаль войны все тяжелей, все глубже...») и «Я хочу поговорить с тобой...», написанные и прочитанные по радио в сентябре 1942 г.

¹⁸ Юбилейная поэма в октябре 1942 г. написана не была; к этому периоду относятся стихотворения «Ленинградская осень», «Отрывок». Поэмы «Памяти защитников и «Твой путь» были написаны Берггольц позднее, в апреле 1944 и 1945 гг.

¹⁹ «Февральский дневник» опубл.: Комсомольская правда. 1942. 7 июля. № 156. С. 2. *Коонен Алиса Георгиевна* (1889—1974) — актриса Московского Художественного театра (с 1905), Камерного театра (1914—1949). Жена А. Я. Таирова. С октября 1941 г. вместе с Московским государственным Камерным театром была в эвакуации в Сибири, сначала в Балхаше, а затем в Барнауле. В письме к Берггольц 1943 г. Таиров сообщал ей, что Алиса Георгиевна «читает сейчас Ваш „Февральский дневник“, читает очень и очень вдохновенно и хорошо...». См.: Из писем А. Я. Таирова // Театр. 1985. № 7. С. 92.

²⁰ Решение об организации Пресс-бюро при Союзе писателей было принято 18 февр. 1942 г. на заседании Президиума ССП. 5 авг. 1942 г. было решено «реорганизовать Пресс-бюро из технического пункта по пересылке рукописей в один из основных отделов Союза писателей по организации творческой работы (всех писателей, находящихся на периферии) и ее реализации в печати». Цит. по: *Фадеев А. А.* Материалы и исследования. М., 1977. С. 243. В газетной заметке «Пресс-бюро писателей» отмечалось: «Задача Пресс-бюро — содействовать творческой работе писателей, членов ССП, в дни отечественной войны. Пресс-бюро консультирует писателей по всем творческим вопросам, устанавливает связь между работой писателей и радиовещанием, Советским Информбюро, центральной прессой, литературно-художественными журналами, издательствами, ТАСС, Комитетом по делам искусств и Комитетом по делам кинематографии». См.: Литература и искусство. 1942. 8 авг. № 32. С. 4. В состав Пресс-бюро вошли А. А. Фадеев (председатель), И. П. Уткин (зам. председателя), Ф. В. Гладков, А. М. Лейтес. Заниматься Ленинградским отделением «по линии получения и печатания художественной продукции» поручено персонально А. Фадееву.

²¹ Речь идет о работе Берггольц в качестве ленинградского корреспондента на американскую аудиторию. Особенно актуальной эта работа стала после того, как 7 авг. 1942 г. А. А. Фадеев обратился с радиোগраммой к Военному комитету писателей США с предложением установить взаимный систематический обмен литературными материалами об участии писателей в войне, а 17 авг. получил ответ, в котором приветствовалось «предложение обмена литературой как оружием свободы в войне против нацистской тирании». См.: *Фадеев А. А.* Материалы и исследования. С. 182, 243.

²² *Е. М.* — неустановленное лицо.

²³ *Бабушкин Яков Львович* (1913—1944) — художественный руководитель ленинградского блокадного радио, друг Берггольц. Был уволен из радиокomiteта весной 1943 г., погиб на передовой. См. о нем: *Рубашкин А.* Голос Ленинграда. СПб., 2005. С. 194—198.

²⁴ Мать О. Берггольц — *Берггольц Мария Тимофеевна* (1884—1957) находилась в то время в эвакуации в Чистополе.

²⁵ *Берггольц Мария Федоровна* (1912—2003) — актриса, родная сестра О. Берггольц, хранитель и публикатор ее творческого и эпистолярного наследия.

²⁶ Известно, что Берггольц высылала родителям «Ленинградскую поэму» (Л., 1942) с дарительной надписью на оборотной стороне обложки: «Дорогим моим папе и маме, милым и мужественным ленинградцам, в залог нашей скорой встречи в родном городе, — дарю эту книжку в день прорыва блокады, — с любовью — Ольга 18 / I—43 Ленинград». (РО ИРЛИ, ф. 870).

2

28 / X—42 г.

Дорогой папа! Я очень рада, что ты едешь к маме, и, видимо, уже приехал, так как сегодня, 27 (так в документе. — *Н. П.*) октября, получила твои открытки от 13 / X. В то же время я почти в отчаянье оттого, что мне придется повторять буквально все, что я писала тебе в большом и подробном письме от 2 / X, которое ты явно не успел получить до своего отъезда из Идры.¹ Но хочу предупредить тебя, что пишу тебе обо всем этом в *последний раз*, так как у меня не хватает уже никаких нервов и терпения в течение восьми месяцев писать тебе об одном и том же, по существу, в высшей степени маловажном предмете. Надо сказать, что писала я тебе об этом не только в письме от 2 / X, но и *еще несколько раз*. Речь идет о твоих вещах и деньгах. Пишу кратко, т<ак> к<ак> повторяю, у меня сейчас очень много работы и всяких дел, и не могу я больше писать и думать на эти темы, иначе стану шизофреником.

1) Наш дом на Палевском снесен до основания, так как вообще в Ленинграде сносят почти все деревянные жилые дома. *Все твои вещи и мебель*, которые там были — *пропали*. Об иконке, печке и прочем ты написал мне слишком поздно, тогда, когда уже дом ломался. Тетка Валя чувствует себя плохо, живет на казарменном на предприятии и ни своих, ни твоих вещей не «спасала». Тетя Тася перед смертью продала твой розовый фарфор. В общем, надо считать вопрос с этим исчерпанным. Уже ничего не воротить, да и не знаю, о чем там жалеть. Но об этом — ниже.

2) Из вещей, список на которые ты мне прислал — сохранился *только чемодан с бельем у Кувалдина*. Когда я была там и говорила со Слепцовой, она сказала, что больше ничего не было. Так как в это время, когда я у нее была, ты мне еще не сообщал, что именно тобой оставлено, я и не могла ничего спрашивать и спорить. Ты все сделал очень торопливо и неорганизованно. Спрашивала некую Марию Михайловну, «что оставил здесь папа», она сказала, «мне неизвестно», других никаких людей там я не видала. Звонила Слепцовой, она еще раз сказала, что ты оставил только чемодан.

3) Что касается денег твоих, то Слепцова сказала, что она отправила их тебе в мае месяце на МИНУСИНСК. Вот ты все время говоришь о них, а толком не ответил ни разу на мой настойчивый вопрос — *запрашивал ты или нет минусинскую почту*, — может быть, деньги там лежат? Что касается квитанций, то Слепцова сказала, что у нее квитанцию украли вместе со всеми документами, и действительно, *я проверяла* это, у нее украли всю сумку с документами, карточками и прочим. Я ходила на почту, с которой она отправила якобы деньги, узнавала, можно ли получить копию квитанции, мне сказали, что нельзя, копии они не оставляют. Если ты запрашивал деньги в Минусинске и оттуда поступил ответ, что они не приходили, значит, Слепцова их присвоила. Но прямых доказательств у меня к этому нет. Теперь относительно суда. Я просто-таки раскаиваюсь, что сама подала тебе эту мысль, теперь у тебя она, видимо, будет вроде идеи фикс. Но, папочка, сердись не сердись, я этим заниматься НЕ БУДУ. Еще до получения твоего письма со списком вещей и доверенности на суд я говорила с юристом, изложила ему суть дела, и он сказал, что поскольку ни у тебя, ни у меня нет на руках ни акта о сдаче тобой вещей Слепцовой, ни расписки от нее, ни свидетелей, которые видели бы *своими глазами в тот момент*, как она у тебя вещи принимала — дело можно считать заранее *проигранным*. Получив список твоих «свидетелей», я вижу, что это свидетели более чем липовые. И я не буду его даже начинать при таком положении вещей, у меня просто нет ни времени, ни нервов, ни сил, чтобы при теперешнем состоянии моего здоровья, занятости действительно серьезными делами, при нашем состоянии трамвайного движения, приближающемуся к зимнему, начать поездки на правый берег, через мост (парома нет), искать незнакомых мне людей, таскаться по судам, и все это из-за БАРАХЛА, нет уж, лучше считай, что ИМЕННО Я должна тебе эти несчастные семьсот рублей и даже стоимость столь драгоценных тебе ватных штанов. Как только у меня будет легче с деньгами

(у нас в городе с ними туго), я тебе компенсирую деньги, присвоенные Слепцовой. А судиться не буду.

4) Вещи, отданные тете Вале — все целы, лежат у Ивановых, ботинки, брюки и т. д. Белье, которое ты оставил у меня — цело. Остальное пропало, и тебе, папа, нужно просто смириться с этим фактом. Ты меня прости, но меня поражает, как после ТАКОГО трагического года в Ленинграде, после той потери, которую в Колином лице понесла наша семья, после тех страшных потерь, которые понесли и до сих пор несут все люди, ты можешь восемь месяцев, почти ежедневно писать мне, видимо, тратя силы и нервы, о таком дерьме, как ватные штаны, старое пальто и т. д. Ведь все равно, даже, если б ценой собственных конечностей, я их как-то выцарапала от присвоивших их людей, ведь все равно они бы лежали здесь втуне, так как никаких возможностей перебросить их отсюда к тебе у меня нет и не будет. Та маленькая посылка, которую я собрала матери, ведь в первый раз за 15 месяцев мне это удается сделать, да и то еще не знаю, как это все выйдет. Ты, видимо, совершенно утратил представление о том, что такое ленинградская жизнь и как мы все тут живем, если полагаешь, что содержанием моего существования сможет стать суд со Слепцовой, которой ты так легкомысленно доверил свое барахло. Ведь не голым же ты ходишь, что-то увез с собой, ничего не просишь даже выслать, а вот не дает тебе покоя какая-то странная и непонятная жадность. Да вот Молчановы потеряли все свое имущество, как и сотни других семейств, и ничего, живут, и есть у них другие интересы, интересы напряженной работы в тылу, хотя мать Коли,² например, просто убита его смертью, а все-таки держится, не скулит, и уж меньше всего ужасается тому, что решительно все, что осталось здесь — обречено пропаже. Ей-Богу, папа, ты, видимо, перестал чувствовать себя Ленинградцем. Я понимаю, что то, что тебе пришлось пережить — тебя очень ударило, ну, а другим-то легче? Нам-то тут, думаешь, как на курорте живется? Ты просто забыл, какая у нас обстановка, и что мы тут в полном смысле слова под Богом ходим... Вот если б ты вчера, например, присутствовал при обстреле нашего района, со всеми последствиями — невинно погибшими людьми, разгромленными дотла квартирами, так, может быть, это оживило бы в тебе твои же собственные переживания прошлого года, или хотя бы февраля месяца, и ты бы понял, что на этом фоне — нет смысла так дергать себя из-за того, что одна сволочь тебя обворовала. Впрок ей это не пойдет, а мы не пропадем. Так что давай на этом дело считать законченным и условимся, что по приезде сюда тебе придется начинать весь завод с начала, так сказать, голый человек на голой земле, старинная мечта всех истинных гуманистов. Жилплощадь будет, ее, увы, сейчас здесь много, мебели «выморочной» тоже сколько угодно, в общем, ничего решительно страшного не произошло, ты должен это усвоить, папа. Все мы, в основном, здоровы, держим друг с другом связь, каждый по своим силам может работать и не висеть на шее ни друг у друга, ни у страны, чего еще надо? Все остальное будет, ну, что же, начнем жизнь сначала, — война. Что касается твоего основного дела, то, как я уже писала, мною подано главному лицу большое заявление

с мотивировками и всем, чем надо, и мне обещано, что твое дело разберут, пересмотрят, и если все, что я пишу, подтвердится, то, разумеется, изменят в лучшую сторону. Когда все это будет, зависит уже не от меня, но я буду нажимать, постольку поскольку торопливость будет уместна. За это я отвечаю, за свое обещание, данное тебе, заниматься этим, и сделаю все, что от меня зависит. Конечно, в этом году в Л<енингра>д ты не вернешься, да это и к лучшему. Здесь снова будет довольно тяжело, а тебе в твои годы это совершенно ни к чему. Ориентируйся примерно на весну, а лучше всего начинай по силе возможности работать там — всюду люди, а сейчас ты с родными, ничего, все устроится, только ради Бога, уж это я пишу тебе, как мужчина мужчине, не бранитесь вы при Мишке³ с матерью, будьте потерпеливее друг к другу. Муська очень хотела, чтоб ты приехал к маме, но побаивалась именно того, что вы будете ссориться, а Мишка это будет наблюдать и переживать, ведь мальчишке и без того пришлось хватить неприятного. Ну, да думаю, все будет хорошо, мать о тебе очень скучала. Пожалуйста, напиши мне толково, как там устроишься, как мать, Мишка, обстановка. И помни, родной папа, что при всех трудностях, которые у вас будут, это все же лучше, чем наш быт. Много об этом не пишу, думаю, что ТЕБЕ — понятно. Мои дела ничего: беременна, но умоляю, без аханья по этому поводу. Лучше пусть мама выполнит мои просьбы, которые передаю ей в письме. Очень хочу, чтоб все состоялось, и очень буду огорчена, если опять не доношу, или в силу какой-нибудь ленинградской случайности это вообще не состоится. Юра мобилизован в Балтфлот, пока в Л<енингра>де, на радио, что будет дальше, пока говорить трудно. Я много работаю. Мои стихи и поэмы пользуются огромным успехом у читателей, чего нельзя сказать про различное «начальство», мне все время приходится, как и раньше, сражаться с редакторами, инструкторами, цензорами и прочей братией, прежде, чем удастся отстоять то, что мне хочется сказать и на что потом бойцы и граждане отвечают благодарными письмами и словами. Но это все же стоит того, чтоб ругаться с чиновниками.⁴ А сил уходит много. Но я стараюсь держаться позиции самой решительной. Живем пока на радио, но, видимо, будет квартирка, правда, без электричества, но зато с печами. Если будут дрова и керосин (мечта!), то, значит, соорудим себе семейное гнездо, как говорится, до первой бомбы. Ну, да ведь это не обязательно...

Ну, пока все. Тороплюсь — надо звонить и добиваться свидания с одним важным лицом, потому что одно менее важное лицо хочет снять у меня из книжки стихи, вернее, переделать, а я ни в коем, принципиально этого не хочу допускать, ну и видишь, сколько хлопот из-за принципа. А иначе — нельзя, особенно, *мне* теперь, я уж могу говорить другим голосом. Писем ко мне отовсюду по поводу «Лен<инградской> поэмы» — масса, каждый день получаю, и какие! Гл<авным> образом с фронтов. Ну, пока, целую, пиши. Привет от Юры, Яши, бубновой пары. Ляля.

Не рыдай о своих ватных штанах, отвоюем, я сошью тебе бархатные с золотым галуном! Пожалуйста, пожалуйста, дорогой папа, не сокрушайся об этом барахле, неужели тебе больше не о ком в Ленинграде думать!

¹ Имеется в виду сибирское село Идринское (Идра) на юге Красноярского края.

² Сысоева Мария Гордеевна, дочь дьякона, учительница; перед войной жила в семье дочери — Ольги Молчановой. (Сведения даны на основании личного дела Н. С. Молчанова № 2738, хранящегося в делопроизводственном архиве РНБ.)

³ Лебединский Михаил Юрьевич (1931—2006) — по образованию инженер, экономист, действительный член Московского историко-родословного общества, сын актрисы Марии Федоровны Берггольц и писателя Юрия Николаевича Либединского. Его литературные произведения «Сонная сказка», «Телефонная сказка» опубликованы под псевдонимом М. Грустилин в сб.: Материалы Лаборатории театра кукол: Тайна мерцающих огоньков. СПб., 2007. С. 136—138.

⁴ Среди лиц, от которых зависело разрешение на публикацию стихов или выпуск радиопередач, в дневниках 1942 г. Берггольц указывает несколько фамилий: секретаря горкома ВПК(б) — А. И. Маханова, редактора газеты «Ленинградская правда» — Н. Д. Шумилова, литературного критика, работника радио, а в послевоенные годы редактора издательства «Советский писатель» — Н. В. Лесючевского.

3

8 / XII—42.

Ленинград.

Дорогой папа!

Получила твое письмо от 7 / XI, как видишь, оно шло целый месяц. Учитывая эти темпы, надо полагать, что мое письмо, подробное, напечатанное на машинке, посланное тебе в конце октября, тоже дошло до вас. Там я писала настолько подробно обо всем, что повторять это не в состоянии, тем более, что в течение 7 месяцев я только и делаю, что пишу тебе о твоих вещах и делах. Считаю, что ты тем моим письмом достаточно подготовлен к ударам и распропагандирован им же, лишь кратко повторяю.

а) дом на Палевском сломан, все твои тамошние вещи погибли. Увозить шкафы и оттоманку, и пр<очую> рухлядь мне было не на чем (блокада!) и некуда, да и незачем.

б) со Слепцовой дела судебного не начинала, т<ак> к<ак>, посоветовавшись с юристом, мы оба увидели, что у нас нет ни документов (ее расписок в приеме твоих вещей), ни надежных свидетелей, ничего вообще. Доказать, что она присвоила твои деньги только на том основании, что ты их не получил, а у нее нет квитанции — нельзя; я вон тоже посылала Молчановым¹ 500 р<уб.>, и у меня цела квитанция, а они их так и не получили, и ничего нельзя сделать.

в) заявление, поданное мною о твоём деле, как мне говорят, «разбирается», «расследуется» и т. д. Время от времени нажимаю и жду более прочного своего положения — общественного, чтоб можно было нажать покрепче. Обещают «выяснить». Но я это дело доведу до конца.

В Ленинград ни тебе, ни матери приехать пока не удастся. Во-первых, как ты уже понял и убедился, даже не имея 39 ст<атьи>, это сделать очень сложно. Чтобы приехать к нам, хотя бы из Москвы, надо, чтоб тебя вызвало сюда учреждение, по правам приравненное к обл<астному> исполкому, при этом с санкции и разрешения Военного совета или же, чтоб сам Военный совет вызвал тебя. Посуди сам, имею ли я такие воз-

возможности; учти, что наш город именуется городом-фронтом не только в стихах и что въезд сюда обычным гражданам воспрещен; и вот тебе ясно станет, что пока что мысль о возвращении в Л<енингра>д надо отложить, — помочь я в этом ничем не могу. А о том, чтоб Военный совет вызвал сюда нашу маму — просто смешно думать! Никаких же «связей» и т. п. у меня никогда не было и нет. Да и что ты, папа, тащить сюда, в Л<енингра>д, мать с Мишей, это просто на смерть, особенно зимой. Никакой столовой маме бы не дали, а что дают даже на отоваренную карточку иждивенцам — ты знаешь. У вас кило картошки — 15 р<уб.>, а у нас — 350 руб., да и то почти случайно. Суди сам, можно ли на это рассчитывать? Ты пишешь, «я бы пристроился у тебя»? Где? В радиокомитете? Но здесь услуги хирурга не нужны. Ну, жилплощадь можно было бы найти, но дрова? Керосин? Этого я вам ничего бы предоставить не смогла. А помимо всего этого, специфические неудобства города-фронта, ты понимаешь, что я имею в виду. Вот, например, Е. М. почему-то долго не звонит мне, а не так давно на той улице, где она жила, не стало дома или двух, а я забыла точный № ее дома, и уж боюсь, не тот ли самый, не ее ли? Ты пишешь, что в Чистополе много пешей ходьбы, а думаешь, у нас ее мало? Хотя считается, что № 3 трамвая ходит, Юрка почти ежедневно бегаёт по делам службы на Петрогр<адскую> сторону пешком. Я все это пишу не для того, чтобы убедить тебя «не ехать сюда», этого все равно сделать нельзя, а пишу для того, чтоб ты *оставил мысль* и перестал тосковать по Ленинграду, и смущать маму этими химерами. Ты пишешь, «в этом направлении нужно действовать», папочка, прости, это звучит трагически-смехотворно. Не могу я перетаскивать вас сейчас в Л<енингра>д, невозможно это делать, да и бессмысленно. Чтó я делаю и что смогу сделать? 1) Я все свои деньги по Москве отдаю Муське, чтоб она часть пересылала вам. Милая Мусинька не пишет мне с августа месяца, несмотря на все мои просьбы и мольбы. Она даже не может сообщить мне, сколько моих денег она получила и сколько из них перевела вам, а по моим подсчетам, это все же не менее 3 тысяч в общей сложности, а м<ожет> б<ыть>, даже и больше. Кроме того, 20 / X я отсюда перевела ей 400 руб., половину просила переслать вам и 2) отправила в начале ноября мануфактурно-галантерейную посылку, чтоб она переслала ее вам. Передай маме, что не надо мне ни шерсти, ничего, раз вам так туго,² я обойдусь, возьмите все себе на пищу. Да вот говорят, что якобы у вас теперь и на меню ничего не дают, все завалено вещами, 3) дня через два переведу вам денег (в размере 500 р<уб.>) и постараюсь высылать *регулярно*, хотя с деньгами у меня не жирно. Знаю, дорогие мои, что вам там плохо. Да разве сейчас из вашей дыры зимой куда-либо тронешься? А, кроме того, честно говоря, везде сейчас трудно. Послушали бы вы, как воют наши киноработники, даже лауреаты и орденоносцы, живущие и *работающие* в Алма-Ате, Ташкенте³ и т. д. Наша ленингр<адская> колония писателей под Пермью⁴ тоже живет как вы; кроме тех, кто просто-напросто работает в колхозах на трудоднях. Однако я узнаю, не легче ли там все-таки и нельзя ли вас перебросить туда? Спишитесь с Риной,⁵ м<ожет> б<ыть>, выйдет что-либо там? Молчановы в Йошкар-Оле живут тоже весьма туго,⁶ — в одной

комнатке все 5 человек, с продовольствием скверно, но они летом копались в огорожке и ходили в лес за грибами. Узнаю еще о кое-каких местах, м<ожет> б<ыть>, весной удастся вас перебросить в более хорошее место...⁷ А в общем-то, вся надежда на общее улучшение положения, и последнее время как будто бы наши дела на фронтах получше. Всем и везде очень трудно! Письмо твое очень расстроило меня, одна надежда, что после того, как ты устроился, судя по телеграмме, директором поликлиники, вам стало полегче. Не думай, что я не хочу помочь вам, но что я могу сделать отсюда, из осажденного города? Единственно реальное, — постараюсь, как уже писала выше, регулярно посылать деньги.

Неск<олько> слов о себе. Живем на радио, в маленькой комнатке, но есть печка, пока дают дрова (Юрка, как и все, осенью ломал дома), есть электрический свет, пока что тепло и светло, и это уже очень много. Летом и осенью кормились прилично, т.е. не голодали, были сыты. Сейчас положение будет сложнее, т<ак> к<ак> летом я получала так называемый академический паек (сверх рабоч<ей> карточки 3 кило крупы, 2 кило муки, немного масла и сахару) 1 раз в мес<яц>, а теперь этого пайка не будет, остается одна раб<очая> карточка. Это менее, чем в обрез. Юра мобилизован во флот, карточки не имеет, а должен питаться на корабле, что и делает. Домой приносит только хлеб, а питание на корабле очень и очень среднее для здорового мужика. Правда, стараемся кое-что доставать, но сил на это уходит много, а результаты ничтожные, вот, например, ездил он как-то по заданию на фронт, подарили ему там маленько картошки, и так «повезло», что попал из-за этой картошки под самый обстрел... В общем, жизнь сложная и трудная, но, вспоминая прошлую зиму, мы считаем, что не имеем права жаловаться: в прошлом году в это время я уже начала опухать, и сидели мы на 125 гр<аммах> хлеба и тарелке дрожжевого супа, а в этом году все же совсем другое — 500 гр<амм> хлеба и отоваривают карточки. Юрка пока при радио и Политическом Упр<авлении> флота, что будет дальше с ним — неизвестно, но ты сам знаешь, что мобилизованный человек себе не волен. У меня со здоровьем средне, т<ак> к<ак>, видимо, опять не удастся доносить, хотя я точно выполняю все указания врачей. Но последние дни появились тревожные признаки, указывающие на возможность прекращения беременности... Ужасно мне это жаль и больше всего не нравится перспектива нашей ленинградской больницы. У Юры недавно после тяжелой болезни, разыгравшейся в результате эвакуации из Киева, а затем Харькова, умерла мать.⁸ Отец⁹ остался в Балашове, один, тоже болен.

Работаем много и напряженно. Меня теперь ленинградцы знают хорошо, но это приносит мне чисто моральное удовлетворение! Правда, мой райком соорудил мне русские сапожки, на предмет разъездов по фронтам, и они меня прямо спасают, т<ак> к<ак> все другое истлело; и я выступаю сейчас даже в городе в черном открытом бархатном платье и русских сапогах, а пузо занавешиваю белым шелковым платком, кот<орый> дала на время одна дама, но этот странный туалет, кажется, никого особенно не смущает. Ну, пока все. Крепко

целую, деньги переведу завтра. От Юры вам обоим сердечный привет. Целую Мишу. Ваша Оля.

Получили ли мои письма на машинке и мою фотографию?

В течение *всей войны* умоляю маму сообщить, как точно писать к вам? В вашей области *два города* Чистополя — Чистополь-Береговое и Чистополь чистопольский?¹⁰ До сих пор не могу добиться ответа, а это крайне важно для телеграфа и перевода денег. Сообщи обязательно.

¹ Скорее всего, имеется в виду семья *Виктории Степановны Молчановой* (ум. в 1978), которая с тремя детьми была в эвакуации в Сибири. См. письмо Берггольц к матери от 15 июня 1942 г.: «Я не высылала тебе денег, т<ак> к<ак> порядочно оставила Мусе с тем, чтоб она часть перевела тебе, и ей же посылаю еще 300 рублей. Надо ведь теперь и отцу подкидывать, и надо немного Колиной сестре, Торе (Виктория. — *Н. П.*), которая живет в Сибири с 3 детьми и дети почти голодают, т<ак> к<ак> заработка их не хватает на пропитание, а Коля их очень любил». Цит. по: *Берггольц О. Победоносное терпенье...* С. 106. Еще в одном письме к матери Берггольц вновь пишет: «...хочется хоть капельку помочь Колиной сестре — Торе, которая живет в Сибири с 3 ребятами, а работник у них один, и Ольга писала мне, что живут они крайне плохо, буквально впроголодь, т<ак> к<ак> там бешеные цены, и ребята ее не видят ни масла, ни яиц, ни т. п. А Николай очень любил и вспоминал их в бреду перед смертью, — все время. Хотя бы из-за этого я считаю себя обязанной хоть капельку помочь им, — много и не смогу». РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 29 июля 1942 г. к М. Т. Берггольц). Семья *Ольги Степановны Молчановой* была эвакуирована в Йошкар-Олу.

² В ожидании ребенка и накануне зимы Берггольц осталась без теплых вещей и писала сестре: «Самые же существенные заготовки, которые мне может сделать мать — это шерсть. Вера Инбер говорит, что там у них шерсть есть. А я без всего тепло. Мне надо чулки, теплые штаны, платок (кажется, там и платок можно купить). Ведь надвигается вторая блокадная зима». РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 5 сент. 1942 г. к М. Ф. Берггольц).

³ Во время Великой Отечественной войны в Ташкент была эвакуирована Одесская киностудия, а «Ленфильм» и «Мосфильм» находились в эвакуации в Алма-Ате.

⁴ В Перми и Пермской области (тогда — Молотов и Молотовская область) находились в эвакуации представители разных творческих профессий: писатели, музыканты и художники. В Пермь были вывезены вузы и музеи обеих столиц, а также Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова. Среди ленинградских писателей там были Ю. Н. Тынянов, В. А. Каверин, И. С. Соколов-Микитов, В. Ф. Панова и др.

⁵ *Рина* — неустановленное лицо.

⁶ См. примеч. 1.

⁷ Одновременно с этим письмом Берггольц писала сестре: «Надо подумать, сестра, что делать со стариками. Говорят, что в этом Чистополе, действительно, плохо. Но вот у меня сведения из других мест, из Новосибирска, где Маргарита Довлатова живет на площади в 10 метров 8 человек и почти голодает, из Архангельска и т. д. — везде, брат, паршиво». РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 10 дек. 1942 г. к М. Ф. Берггольц). Упоминаемая в письме *Довлатова Маргарита Степановна* (1907—1975) — литературовед, редактор издательства «Молодая гвардия», тетя С. Д. Довлатова.

⁸ *Макогоненко Мария Яковлевна* (1890—1942) — учительница, до войны жила с мужем в Киеве, с 1938 г. была депутатом киевского горсовета. Умерла в эвакуации в Балашове Саратовской области.

⁹ *Макогоненко Пантелеймон Никитич* (1889—1969) после окончания лесной школы работал лесничим, затем «дослужился до сотрудника правительства Украинской ССР, вместе с которым был эвакуирован в Балашов». После войны жил в Ленинграде. Сведения см.: *Дружинин П. А., Соболев А. Л.* Книги с дарственными надписями в библиотеке Г. П. Макогоненко. М., 2006. С. 11.

¹⁰ Адрес, по которому проживал Ф. Х. Берггольц с Марией Тимофеевной и внуком: Татреспублика, Чистополь береговой, ул. Л. Толстого, 49.

14 / II—43.
Ленинград.

Дорогой папа!

Числа 20 января получила твое письмо от 21 декабря и, сказать по правде, оно меня так обидело, что я воздержалась отвечать сразу, чтоб не написать резкостей. Что за странный тон взял ты по отношению ко мне и Муське!? Что это значит — «прочитай мое письмо до конца»? Разве у тебя есть данные, что мы бросаем их в корзину, не читая? И вообще, ты пишешь нам так, будто бы мы какие-то барыни, захлебывающиеся от недостатков и не желающие помогать своим бедным родителям. На самом деле это не так, мы живем очень трудной и трудовой жизнью, а Муська так и совсем плохо живет в бытовом отношении: почти без света, без дров, более чем скромно с питанием. Товарищи, видевшие ее в Москве, говорят, что она сильно похудела, измоталась. Я просто не знаю, что с ней делать: с большим трудом ее можно было бы вытащить сюда, как артистку, в командировку, но тут у нас тоже далеко не сахар, тем более, что наш переезд на собственную квартиру так до сих пор и не состоялся по ряду причин, о которых долго, да и не в письме писать. Короче, мы живем в крохотной комнате на радио, еле умещаюсь в ней, правда, есть свет и в основном тепло, но третьего человека тут не поместить, а предложить ей общежитие, — это не намного лучше ее тяжелых московских условий.

Блокаду, действительно, прорвали,¹ и это имеет огромное, военное и политическое значение, но на нашем *быте* это пока еще не отозвалось в смысле его улучшения. Нормы те же, и условия города-фронта такие же... Бывают дни, когда осень 41 кажется идиллией, — немцы осатанели от злости и вымещают это, как могут... Как человек воевавший и знающий хотя бы то, что представляет собою шрапнель, ты должен понимать это... Правда, судя по общему положению на фронтах Союза, да и у нас, фрицам уже не так долго безобразить. Надо надеяться, что уж в этом-то году мы все увидимся и станем жить если не очень богато, то, по крайней мере, спокойнее. Между прочим, еще до прорыва Муська писала мне, что у нее есть намерение к весне подтащить тебя под Москву, а мать и Мишку в Москву. Что касается въезда в Л<енингра>д, то после прорыва стало вроде как еще сложнее с этим, — решают только персонально и только здесь: уже были случаи, что люди, пробившиеся сюда со всякими «авторитетными» бумажками из Москвы — отправлялись обратно. Все это очень правильно, если учитывать продов<ольственное> и прочее положение в городе, а то опять неорганизованным возвращением можно было бы вывести его из равновесия. Но говорят, что потом, когда положение города изменится коренным образом, *семья* можно будет вернуть, как будет в действительности, покажет время.²

Ну, да в общем, теперь, повторяю, терпеть не так долго. Должна при этом сказать, папа, что по имеющимся у меня совершенно точным данным, положение у вас в Чист<ополе> сейчас лучше, чем в десятках

и сотнях других мест, тем более, что, как пишет Жанна Инбер,³ цены у вас на рынке упали.

Бригада артистов (быв<ших> ленинградцев), прибывшая из Вятки,⁴ письма из Новосибирска, Молотова и мн<огих> др<угих> рисуют ОЧЕНЬ тяжкую картину бытовых и продов<ольственных> трудностей в стране, что совершенно понятно. Так что, прежде чем куда-либо двинуться, даже под Москву, учти со всей серьезностью то, что я тебе сейчас пишу... Дело с твоей статьей пока замерло, тот человек уехал, а, кроме того, учреждение, где ты был в самом начале своей истории, не так давно изрядно потрянуло и... в общем, ты знаешь, что после этого бывает. Но я наладила связь с юридическ<ими> силами Л<енингра>да, они обещали принять участие и вообще заверили меня, что это не проблема, что таких как ты — легион, и никто не беспокоится из-за этого, т<ак> к<ак> само собой все скоро решится положительно. Но, не дожидаясь общего исхода, я, как и обещала, постараюсь ускорить твоё личное дело. Нужно только время, подробнее же ничего писать не могу.

Умоляю тебя не нервничать, все идет хорошо, немцы будут побиты, это уже совершенно ясно, и все утрясется. И не ругайся с мамой, дотерпите уж всю войну с достоинством. О своей жизни напишу ей, она тебе прочтет. Здоровье очень средне, здорово устала ото всего, от работы, жизни, блокады. Но раз надо додержаться, будем держаться. А. А.⁵ здорова, иногда бывает и звонит. Е. М. не подает признаков жизни с осени, где ее искать, не знаю.

Крепко целую. Оля. Привет от Юры и всех наших.

¹ 18 янв. 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке артиллерии и авиации Балтийского флота осуществили прорыв блокады. В ночь с 18 на 19 янв. Берггольц выступила с радиопередачей «Здравствуй, Большая земля!». 27 янв. 1944 г. блокада Ленинграда была полностью снята.

² Резвакуация в Ленинград проходила сложно. Берггольц писала сестре: «С въездом к нам все усложняется: резвакуация будет совершаться по плану, утвержд<денному> Совнаркомом. Партизанские походы к „отцу города“ Попкова пока что ни у кого не увенчались успехом. После нагоняя, который он получил от пр<авительства>ва за бардак первой недели резвакуации, Попков и вообще наш Военный совет просто зверствует. Так, в нашем Союзе паника: около 15 чел<овек> наших лен<инградских> писателей подали список на возвращение семейств, этот список утвердил горком, а Воен<ный> совет дал разрешение выпустить семью только троим, остальные (в том числе Кетлинский) — отказано наотрез. Писателям, список кот<орых> утвержден еще в январе (Ахматовой и т. д.), до сих пор не посланы вызовы. Я должна включить мать во второй список, он пойдет а) в горком б) в Воен<ный> совет в) в НКВД, и после всего этого выяснится — дадут ли ей разрешение на въезд. Вообще, что-то странное с въездом к нам». РО ИРЛИ, ф. 870 (письмо от 8 апр. 1944 г. к М. Ф. Берггольц). Упомянутый в письме Попков Петр Сергеевич (1903—1950) — первый секретарь ленинградской партийной организации в 1946—1949 гг.

³ Имеется в виду Гаузнер Жанна Владимировна (Натановна) (1912—1962) — прозаик, дочь Веры Михайловны Инбер. Родилась в Одессе, училась в Москве (1922—1928), затем в Сен-Жерменском лицее во Франции, куда уехала к отцу Инбер Натану Осиповичу, работавшему там журналистом. В 1932 г. вернулась в Москву, занималась литературной деятельностью, училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Знакомство с Ольгой Берггольц могло состояться в середине 1930-х гг. на почве совместной работы по изданию серии книг «Истории фабрик и заводов». В 1941—1942 гг. находилась в Чистополе,

в Ленинград вернулась в 1945 г. В доме Гаузнер провела одну ночь М. И. Цветаева, приехавшая в Чистополь из Елабуги 24—28 августа 1941 г.

⁴ Возможно, имеются в виду артисты Большого драматического театра, который находился в эвакуации в Вятке (тогда — Киров) в 1941—1943 гг.

⁵ Имеется в виду *Гришечкина Анастасия Андреевна* — врач, личный друг Федора Христофоровича.

5

11 / XI—44

Ну, дорогой папа, наконец-то, кажется, ты сможешь не ворчать на меня. Вчера вечером была у прокурора города,¹ который мне официально сообщил, что *с тебя снята 39 статья, как ошибочно наложенная, а также вообще все остальное — постановление об адмвысылке и т. д.* Теперь ты совершенно свободный и реабилитированный гражданин. Сегодня или завтра тебе должна отправить наша прокуратура официальную и авторитетную бумажку обо всем этом, — у меня уже взяли твой адрес. Правда, когда я приехала из командировки,² прокурор, который расследовал твое дело, сказал мне, что снята только 39 статья, а постановление об адмвысылке осталось, но я на этом не успокоилась, пошла к прокурору города, и, как уже написала выше, прокурор города лично еще раз занялся этим и выяснил, что и постановление об адмвысылке — *тоже* неправильно, и все отменил. Так что, если получишь письмо от Муси (я ей в тот же день после первого разговора с прокурором все сообщила), где она будет писать только о снятии 39, то знай, что эти сведения уже устарели.

Повторяю, справедливость восстановлена полностью, и, может быть, еще раньше, чем это письмо, ты получишь об этом справку от прокурора. В общем, дня через два я проверю, послали ли они это тебе. Но все главное — уже сделано. Обо всем остальном будем разговаривать тогда, когда ты получишь справку и на руках у тебя снова будет настоящий, чистый, справедливый документ...

Очень рада, что удалось полностью восстановить временно поправную фамильную честь и доброе имя. Подчеркиваю, что все остальное будет уже проще, но хочу предупредить, чтобы ты особенно не воспалялся, а учел, что возвращение в Ленинград все-таки еще дело сложное, но уже по другим теперь причинам. Так что потерпи еще некоторое время, не принимай опрометчивых решений и переездов, на которых ты уже не раз погорел и зря тратил силы, а раз у тебя сейчас материальное положение ничего — не торопись его менять на журавля в небе. Тем более, что, выполнив самую трудную часть дела, я лично не смогу сейчас заниматься дальнейшим. У меня самой крайне плохи дела: у меня реальная угроза — остаться без своего угла. Когда меня вселяли в эту квартиру, то уверяли, что она совершенно свободна, а теперь вдруг появились сразу две претендентки, обе страшно нахальные еврейки, у одной из которых справка на руках, что она дочь военнослужащего. Закон формально на их стороне; мне предстоит сразу два суда, причем 99% за то, что я проиграю дело. Если же хоть одну из них ко мне вселят,

то у меня пропадает вся квартира, т<ак> к<ак> комнаты сразу становятся проходными, мы вынуждены будем ютиться в одной комнате, а звукопроницаемость в квартире абсолютная, а одна еврейка — скрипачка, — ну, в общем мне даже страшно тебе писать, что это такое будет, конец всей моей работе, да и нормальному существованию, хуже тюрьмы.

Мне, правда, обещают разные ответственные товарищи, что не дадут меня в обиду, но пока еврейки не дают мне покоя и фактически со дня приезда в Ленинград я только этим живу и занимаюсь, издергалась до предела... А конца этой истории еще не видно. Кроме того, Муська страшно нажимает на меня (не пиши им об этом ни слова), чтоб я взяла к себе мать, поскольку у них там сложилась чисто грустилинская атмосфера, а комнату мамы заселил Путиловский,³ и ее надо отбирать тоже через суд, а для этого надо еще, чтобы у мамы был вызов Ленсовета и пропуск, а это у нас вплоть до 45 года категорически приостановлено, тем более для иждивенцев, так что просто не знаю, как я из этого вылезу. А работы ужасно много, и очень ответственной и интересной, и крайне важной для всего моего будущего...

Спасибо тебе за предложение получить по твоей облигации деньги, но я даже не просмотрела ее, не до того. Потом получу и пришлю тебе на табак, пока кое-как живем. Хотелось бы написать о том, как мы провели командировку на Черном море, да тоже некогда, в общем, «трясусь»⁴ все время, уж придется тебе об этом прочесть очерки в «Известиях»,⁵ куда мы их должны отправить послезавтра. Так что сразу без перехода на этой же машинке начинаю перепечатывать очерки... Пока, желаю здоровья. Гляди вперед «в надежде славы и добра».⁶ Сердечный привет от Юры и наши общие поздравления с благополучным окончанием твоего «дела».

Твоя Ольга.

На конверте: Тула, Криволучье, эвакогоспиталь 5383. Доктору Бергольц (так на конверте. — Н. П.) Ф. Х.

Обратный адрес: Ленинград, Рубинштейна, 22, кв. 8. О. Бергольц.

¹ О прокуроре Ленинграда А. Н. Фалине см. в преамбуле примеч. 35.

² Имеется в виду поездка в сентябре—октябре 1944 г. в Севастополь. См. примеч. 5.

³ Путиловский — сосед М. Т. Бергольц по квартире, заведующий крупным магазином.

⁴ «„Трясучка“ — словечко нашего отца, — писала М. Ф. Бергольц, — означающее паническое нагромождение действий, эмоций, намерений...» (*Бергольц О.* Из дневников // Звезда. 1990. № 5. С. 184).

⁵ Очерки «Ленинград—Севастополь», написанные в соавторстве с Г. П. Макогоненко, были напечатаны: Красный Балтийский флот. 1944. 24 нояб. С. 4; Известия. 1945. 3 янв. С. 3; 4 янв. С. 3. Полностью в кн.: *Бергольц О.* Говорит Ленинград. Л., 1946. С. 125—151.

⁶ Начальная строчка стихотворения А. С. Пушкина «Стансы» (1826).

[1948]¹

Дорогой мой, хороший! Может быть, у меня нет никого на свете, кроме тебя.

Я обязана тебе всем самым лучшим, что есть во мне: жадным жиз-
нелюбием, чувством юмора, упрямством, целомудрием чувств, даже —
здоровым цинизмом.

Я так хочу, чтоб ты жил! Чтоб в годы заката были вокруг тебя розы,
пуговицы, грибы, внуки, стихи.

Пожалуйста, слушайся врачей и знай, что все мы хотим, чтоб ты
поправился и кричал бы на нас на собственной даче.

Твоя Лялька.

А Юра и Андрюша² целуют.

На обороте письма приписка рукой О. Берггольц: «Письмо, написанное и не отдан-
ное отцу».

¹ Письмо написано карандашом, хранится в личном архиве О. Ф. Берггольц в РГАЛИ, ф. 2888, оп. 1, № 487, л. 2. Датируется по содержанию.

² Имеется в виду *Макогоненко Андрей Георгиевич* (1940—1990) — сын Г. П. Макогоненко от его первого брака с Рузиной Валентиной Владимировной, который жил в то время в семье Макогоненко и Берггольц.